

АРИНА ВЕЛЕР

ВЕРИТЬ ВЕРЕ

психологический роман

любовь, которую нельзя свести к профилю

Арина Велер

Верить Вере

<https://litres.ru/74111238>

SelfPub; 2026

Аннотация

Максим боится, что любовь можно спроектировать. Вера Ланская берётся проверить его страх как частный детектив, но расследование выводит их к системе, где память, случайные встречи и человеческая нежность давно стали материалом для эксперимента.

"Верить Вере" - психологический роман с технотриллерной интригой о доверии, близости и праве человека остаться собой, даже если его чувства кто-то заранее просчитал.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Вера	15
Глава 2. Анна	39
Глава 3. Черешня	71
Глава 4. Лера	94
Глава 5. Красная нить	133
Конец ознакомительного фрагмента.	150

Арина Велер

Верить Вере

Пролог

Максим Орлов понял, что ночь испорчена, не тогда, когда Инга замолчала.

После близости люди молчат по-разному.

В гостиницах это молчание пахнет крахмалом и чужой ванной. В случайных квартирах - чужим бельём, чашками, оставленными на полу в спешке, попытками не смотреть друг на друга слишком долго после того, как уже всё случилось.

У Инги было иначе. Пахло мятой из чашки на подоконнике и тёплой пылью от батареи. Занавеска у окна шевелилась едва заметно. За дворами шёл проспект, но сюда доходил только низкий гул машин.

Квартира была маленькая и тёплая. Не бедная, не нарядная, не специально уютная. Просто её.

Книги у стены стояли криво. На батарее сохли чёрные колготки. Возле стула валялся один носок, в бутылке из-под вина торчали сухие цветы.

Такой беспорядок обычно успокаивал Максима: его трудно придумать заранее.

На полу в круге лампы лежала его рубашка.

Два часа назад он держал её в руках и собирался уйти.

Инга положила ладонь ему на запястье и сказала:

— Останься ещё немного.

Он остался.

Теперь она лежала рядом на узком диване, укрытая до талии.

Волосы рассыпались по подушке. Одна прядь прилипла к губе.

Максим убрал её пальцами, не думая. Он всегда так делал: поправлял край салфетки, закрывал ящик, если тот оставался приоткрытым, убирал с лица женщины волосы, когда она лежала совсем близко.

Инга улыбнулась, не открывая глаз.

— Я знала, что ты это сделаешь.

Он не сразу ответил.

Ничего страшного не произошло. Женщина могла знать такую мелочь после ночи с мужчиной. Могла заметить его привычку всё поправлять.

Но эта мысль пришла уже после.

Сначала под рёбрами стало холодно.

— Что именно? — спросил он.

— Волосы уберёшь.

Она открыла глаза.

В них не было тайны. Вот что было хуже всего.

Инга смотрела спокойно, немного сонно. Плечо выскольз-

нуло из-под шерстяной ткани, на шее оставался слабый след от его губ. Всё было на месте: кожа, усталость, смятый диван, чашка на подоконнике, её дыхание у его руки.

Максим заставил себя улыбнуться.

— Я настолько предсказуем?

— Нет, — сказала она. — Просто ты внимательный.

Она сказала это без кокетства. Буднично. И от этого стало хуже. Перед ним была женщина, которая не отстранялась от его руки. Во всяком случае, всё выглядело именно так.

За последние месяцы он научился бояться не крупных странностей. Крупную странность можно предъявить: другу, врачу, самому себе. У неё есть форма. Запись, фотография, свидетель, событие.

Хуже были мелочи.

Взгляд, задержавшийся мимо лица.

Пальцы на плече, не изменившие нажима, хотя разговор уже стал другим.

Смех, начавшийся на долю секунды позже и всё равно попавший точно.

С Ингой он перестал искать эти доли.

И это его пугало.

Она не была самой яркой женщиной в его жизни. После Леры, Анны и Марты в нём осталось слишком много привычек к проверке: кто как входит в комнату, где делает паузу, насколько точно говорит. Инга была тише. Могла ходить по комнате босиком, в старом свитере, не спрашивая, смотрит

ли он. Проще, если это слово вообще подходило женщине, рядом с которой он впервые за долгое время захотел остаться утром.

Она не старалась понравиться. Иногда молчала невпопад. Отвечала на сообщения через несколько часов, и он успевал раздражаться, а потом ловил себя на том, что рад этому раздражению: значит, она живёт не только вокруг него. Она забывала у него в машине шарф, путала даты, однажды купила ему кофе с молоком, хотя он пил только чёрный, и смеялась над собой так неловко, что Максим тогда подумал: вот. Ошибка. Ненужная, некрасивая, человеческая.

После этого с ней стало легче.

Он посмотрел на комнату, цепляясь за вещи.

Блюдец с мандариновыми косточками на подоконнике.

Раскрытая книга возле стеллажа, перевёрнутая обложкой вверх.

Старая фотография на стене: девочка лет семи в шерстяной шапке держит облезлого плюшевого зайца. Инга говорила, что это она у бабушки в Ярославле.

Максим не раз смотрел на этот снимок, и ему становилось спокойнее. Детская фотография была доказательством. Красный нос от мороза, заяц без одного глаза, варежка, съехавшая с запястья. Разве можно заранее придумать такую бесполезную подробность?

Потом он сам себе отвечал: сейчас можно придумать всё.

Работа давно отучила его доверять поверхности.

В концерне, где он работал, последние годы всё сводилось к одному: сделать технологию почти человеческой. Машина должна была узнавать водителя до того, как он коснётся двери. Сиденье - помнить изгиб спины. Голосовой ассистент - отвечать с небольшой тёплой задержкой, чтобы человеку казалось: о нём заботятся.

На презентациях он сам подписывал фразы вроде "эмоциональный отклик" и "интуитивное доверие пользователя".

Он знал, как собирают ощущение понимания.

Поэтому холодность он понимал лучше. Нежность, которая слишком хорошо попадала в нужное место, пугала сильнее.

Инга повернулась ближе.

Плед сполз, открывая ключицу, плечо, слабую тень у основания шеи. Его рука лежала у её талии. Под пальцами было тепло и ровное движение дыхания.

В такой момент проще всего было не двигаться. Остаться под её дыханием, под лампой, среди чужой шерсти и тёплой пыли.

— Ты сейчас уйдёшь в свои мысли, — сказала она.

Он посмотрел на неё.

— Что?

— У тебя лицо такое. Будто ты уже не здесь.

Она коснулась его брови кончиком пальца.

Попала.

Максим поймал её руку и задержал у своего лица. Хотел

сделать нормальную вещь: поцеловать пальцы женщины, которая лежит рядом, пахнет шампунем и тёплой кожей, смотрит устало, чуть насмешливо и просит его не уходить в свои мысли.

Он поднёс её ладонь к губам.

Инга не шевельнулась.

Это длилось меньше секунды. Может быть, и меньше.

Она не стала неподвижной - нет, она дышала, он чувствовал. Взгляд не погас. Не было ничего такого, что потом можно описать и самому себе доказать, что ты не выдумал. Просто её рука на короткое мгновение не ответила. Не обмякла, не отстранилась, не смутилась. Осталась там, где он её держал.

Потом всё вернулось.

Инга улыбнулась. Пальцы согнулись, скользнули по его щеке, и она сама коснулась губами его ладони.

— Видишь? — прошептала она. — Ты уже далеко.

Максим не ответил.

Он не знал, что произошло.

Может быть, ничего.

Скорее всего, ничего.

Люди тоже замирают. Женщина может не знать, как ответить на ласку, особенно если мужчина смотрит на неё так, будто уже проверяет, что с ней не так. Это мог быть его холод. Его усталость. Его привычка измерять всё, даже тепло чужой ладони.

Он сказал себе это резко, как сказал бы Павел, если бы услышал его мысли: "Орлов, женщина лежит у себя дома, в твоих руках, а ты опять проводишь диагностику".

Диагностику.

Слово ударило неприятно.

Максим отпустил её руку и сел.

— Что случилось? — спросила Инга.

В её голосе была растерянность. Или что-то очень похожее на неё. Она сидела на диване с пледом у груди, а он уже искал брюки.

— Ничего.

— Максим.

Она произнесла его имя тихо. Не как упрёк, не как просьбу.

Он был уже близко к тому, чтобы лечь рядом, обнять её и сказать, что с ним что-то не так; что он устал бояться женщин, которые были к нему добры.

Но вместо этого поднялся и начал искать одежду.

Комната сразу стала другой. Деревянный пол холодил ступни. За окном глухо проехал ночной автобус. На кухне щёлкнул холодильник. В лампе дрогнул свет. Он уходил из её дома, где пахло сушёной мятой, кремом для рук и книгами, а не из гостиницы и не из случайной постели.

— Ты правда уходишь? — спросила она.

Он поднял рубашку с пола.

Ткань была тёплой там, где лежала в круге света.

— Да.

Инга села, подтянув плед к груди. Волосы упали на лицо; она убрала их резким, злым движением. Максим на секунду замер с рубашкой в руках. Вот это движение он не смог бы придумать.

— Я что-то сделала не так?

Вопрос был простой. От него стало стыдно.

Если бы он ответил честно, пришлось бы сказать: "Твоя рука на секунду стала пустой". Всего лишь показалось. Не доказательство, не факт, даже не событие. Стыдливая мысль мужчины, который не выдержал тихого счастья и теперь стоял перед женщиной в расстёгнутой рубашке.

— Нет, — сказал он. — Дело не в тебе.

Инга тихо усмехнулась.

— Самая плохая фраза.

Он на секунду обрадовался этой сухой горечи и сразу возненавидел себя за радость. Живая женщина могла сказать именно так. Или кто-то очень хорошо знал, как она должна сказать.

Он застегнул пуговицы неровно, со второго раза попал ремнём в пряжку, нашёл телефон под диваном. Инга молчала. Не демонстративно. Просто так молчат люди, которым уже больно, но они ещё ждут одного честного слова.

У двери он обернулся.

Она сидела на диване, укрытая до груди, растрёпанная и усталая. На столике лежала раскрытая коробка травяного

чая, две чашки, блюдо с мандариновыми косточками, её серебряное кольцо. Кольцо лежало так, что была видна внутренняя сторона. В чашке на дне темнели чайники.

Он смотрел на эти вещи так, будто они могли что-то доказать.

— Прости, — сказал он.

— За что именно?

Он не нашёл ответа.

Дверь закрылась за ним тихо.

На лестничной площадке пахло пылью, чужим ужином и старым деревом.

Лифт после полуночи не работал. Максим пошёл вниз пешком, держась за перила.

Из-за одной из дверей донёсся чей-то кашель.

На первом тускло горела лампа у почтовых ящиков. Облупленная краска, рекламные листовки, чёрная коляска у стены, велосипед с порванным сиденьем. Обычные вещи почему-то раздражали.

Он вышел во двор.

Воздух был холоднее, чем он ожидал.

Асфальт блестел после дождя, в лужах дрожал жёлтый свет окон. В соседнем подъезде хлопнула дверь. У мусорных баков шуршал пакет.

Максим остановился у своей машины.

Она узнала ключ в его кармане и мягко вспыхнула фарами. Этот приветственный свет он сам когда-то называл удач-

ным: тёплый, но не навязчивый.

Он сел, но не сразу завёл двигатель.

В салоне было темно и спокойно. Сиденье бесшумно сдвинулось в сохранённое положение, руль чуть подался ему навстречу, на панели ожил экран. Система поприветствовала его низким женским голосом, выбранным на тестовой презентации как "наиболее доверительный для мужской аудитории тридцать пять плюс".

— Доброй ночи, Максим.

Он закрыл глаза.

Голос был настройкой. Функцией. Удобством, за которое люди платили, потому что уставали от грубого мира и хотели, чтобы хотя бы машина встречала их мягко.

После Ингиной квартиры, после её руки в его ладони, после той короткой паузы, которую нельзя было никому предъявить, этот голос показался ему слишком знакомым.

Телефон завибрировал.

Сообщение от Инги.

Он долго смотрел на экран, прежде чем открыть.

"Я не понимаю, что случилось. Но ты можешь вернуться. Можешь не говорить, что случилось".

Максим перечитал дважды.

Сообщение не было ни сладким, ни униженным, ни холодным. Инга оставляла дверь приоткрытой и при этом не просила его вернуться.

Ему стало страшно.

Он положил телефон экраном вниз, завёл двигатель и выехал из двора, стараясь не смотреть на окна её квартиры.

Но на повороте всё равно посмотрел.

На четвёртом этаже горел тёплый прямоугольник света.

За тонкой занавеской мелькнул силуэт - или ему показалось.

Инга стояла у окна, завернувшись в плед. Не махала. Не звала. Просто смотрела вниз, пока он выезжал из двора, не сумев назвать ни одной причины, которую можно было бы сказать вслух.

Позже он много раз будет вспоминать эту ночь и каждый раз возвращаться к одному месту.

К её руке в своей ладони.

К короткой пустоте под пальцами.

Ответа не было. Была дорога, мокрый город, свет фар на стекле и тихий женский голос в салоне, предлагающий построить маршрут домой.

Максим отказался.

Ему впервые за долгое время не хотелось домой.

Но и возвращаться к Инге он уже не мог.

Глава 1. Вера

Утром Максим приехал в офис раньше всех.

Чёрный автомобиль въехал на подземную парковку. Охранник в будке поднял шлагбаум и даже не посмотрел в окно: номер давно был в системе.

Максим поставил машину на своё место, заглушил двигатель и несколько секунд сидел в тишине. В бетоне парковки было утро без света: редкие лампы, мокрые следы шин, запах пыли и холодного металла.

Потом был лифт на двадцать первый этаж.

За стеклянными стенами офиса ещё не горели все лампы. Переговорные стояли пустые, кофемашина молчала. На больших экранах висели автомобили в холодном свете, чистые до неправдоподобия.

Со стороны это выглядело как дисциплина.

На самом деле он просто не мог оставаться дома.

После Инги он спал плохо. Ближе к пяти утра его на сорок минут выключило в кресле напротив окна. Телефон лежал в руке. Он проснулся от собственного движения: большой палец уже тянулся открыть переписку, хотя ночью он решил, что не сделает этого.

Ночные решения утром выглядят глупо. Особенно если человек не спал.

В кабинете он не включил верхний свет. Хватало серого

утра за окнами и подсветки на стеллажах. Там стояли макеты автомобилей, награды, закрытые от посторонних альбомы с концептами.

На стене висела фотография новой модели. Гладкий силуэт, линия капота, прищур фар.

Максим остановился перед ней.

Ему нравилась эта честность материала. Машина ничего не обещала сверх своих возможностей. Металл оставался металлом, свет — светом, даже если дизайнеры очень старались придать ему характер. От машины ждали, что она откроется, заведётся, запомнит настройки сиденья, подстроит климат. Никто в здравом уме не спрашивал у неё, любит ли она в ответ.

Он усмехнулся.

На столе уже лежала папка к утреннему совещанию: логистика, квоты, задержки поставок, локализация сервиса, прогноз продаж по премиальной линейке. Рядом планшет с календарём.

Календарь был забит прямоугольниками.

В девять тридцать — дилерская сеть.

В одиннадцать — европейский офис.

В двенадцать сорок пять — обед с партнёром.

В пятнадцать — презентация обновлённого клиентского интерфейса.

На последнем пункте он задержался.

Клиентский интерфейс. Тёплый голос. Рекомендация

маршрута. Память о том, как водитель любит сидеть, какую температуру ставит, какую музыку включает по вечерам. Набор привычек, выдаваемый за заботу.

Максим снял пиджак и бросил его на спинку кресла.

Обычно он вещи не бросал.

Телефон завибрировал.

Инга.

Он не сразу посмотрел на экран. Сначала положил телефон на стол, как будто от этого сообщение могло стать другим.

«Привет, как ты?»

Три слова.

Ни упрёка, ни обиды, ни длинного объяснения, чтобы к нему придаться. Три ровных слова.

Максим провёл пальцами по переносице.

Раньше он назвал бы это деликатностью. Теперь не знал, как называть.

Он перевернул телефон экраном вниз.

В стеклянной стене отразилось его лицо: тридцать девять лет, белая рубашка помялась за ночь, под глазами тени, подбородок выбрит хуже обычного. Через час ему нужно будет спокойно говорить о снижении издержек, сервисных протоколах и доверии аудитории к бренду.

Доверии.

Он поморщился.

Слово было лишним.

Дверь открылась без стука.

— Ты живой? — спросил Павел.

Он вошёл с двумя стаканами кофе, один поставил на стол Максима, сам сел без приглашения. Павел давно имел на это право. Формально он был адвокатом, но в компании делал всё, что требовало холодной головы: тушил конфликты, вытаскивал провалившиеся сделки, говорил с людьми так, что они потом считали свою уступку разумным решением.

Они знали друг друга пятнадцатый год. С тех времён, когда оба были моложе, злее и верили, что мир можно продавить, если достаточно долго не отводить глаз.

Павел посмотрел на него поверх стакана.

— Выглядишь плохо.

— Спасибо.

— Это не забота. Забота будет дальше, когда я скажу, что совещание можно перенести.

— Не надо.

Павел сделал глоток кофе. С вопросами он никогда не спешил. Ждал, пока человек сам начнёт заполнять паузу. Максим раньше уважал этот приём. Теперь паузы раздражали: в них успевало произойти лишнее.

— Ты был у Инги? — спросил Павел.

Максим посмотрел на него.

— С чего ты взял?

— Вчера на ужине ты ушёл с ней. Сегодня у тебя вид такой, будто ты либо кого-то убил, либо снова испугался жен-

щины, которая тебе нравится.

Максим взял кофе, но пить не стал.

— Это разные вещи?

— В твоём случае всё меньше.

Павел сказал легко, но глаза у него были тревожные. Он уже слышал часть истории. Не всю. Всю Максим никому не рассказывал. Для этого пришлось бы произносить вещи; после них люди либо смеются, либо начинают говорить осторожно.

Павел не смеялся.

Но и не верил.

— Опять? — спросил он.

— Я ничего не сказал.

— Не нужно. У тебя лицо всё сказало. Что она сделала?

— Ничего.

Павел выдохнул через нос.

— Это уже похоже на привычку.

— Привычка — делать выводы до фактов.

— Тогда дай факты.

Максим открыл рот и закрыл. Ночью не было фактов. Инга сказала, что знала, как он уберёт волосы с её лица. Потом её рука на мгновение не ответила в его пальцах. Потом она написала сообщение так ровно, что ему стало страшно.

Это нельзя было предъявить.

— Она была слишком... — начал он.

Павел ждал.

— Слишком что?

Максим отвернулся к окну.

Город просыпался. По Садовому тянулись машины, мокрые крыши светлели, серые дома стояли в сером утре. Он представил Ингу на диване в маленькой квартире: волосы спутаны, чашка рядом, телефон где-то под рукой.

Может быть, так и было.

— Слишком уместной, — сказал он.

Павел опустил взгляд на кофе.

— Максим.

— Не надо.

— Надо. Я твой друг, а не подчинённый. Анна была нежной не вовремя. Лера угадывала, чего ты хочешь. Марта понимала твои мысли раньше, чем ты успевал их договорить. Теперь Инга слишком уместна. Когда-нибудь ты встретишь женщину: она забудет твоё имя, прольёт на тебя кипяток, и ты решишь, что вот она наконец настоящая.

Максим хотел улыбнуться. Не получилось.

— Ты думаешь, я боюсь близости.

— Я думаю, ты боишься, что в близости нет подвоха. Тебе проще найти механизм, чем принять подарок.

— Ты говоришь как психолог.

— Я говорю как твой друг, которому уже тошно смотреть, как ты превращаешь женщин в технические задания.

Максим промолчал.

Павел сразу понял, что попал больно. У него изменилось

лицо, но он не забрал слова назад.

— Извини, — сказал он тише. — Но ты правда уже не ищешь женщину. Ты ищешь сбой.

Максим медленно кивнул.

— Да.

Павел поставил стакан на стол.

— И что будет, если ты его найдёшь?

Максим посмотрел на него прямо.

— Тогда я хотя бы буду знать.

Голос не сорвался. Плечи у него опустились, и пальцы на стакане побелели от нажима.

Павел провёл ладонью по лицу.

— Я дам тебе контакт.

— Психолога?

— Нет.

— Павел.

— Частного детектива. Женщина. Берёт странные личные дела. Поддельные биографии, исчезнувшие партнёры, брачные аферы, люди без обычного мусора за спиной. Иногда работает с адвокатами, иногда с семьями.

Максим смотрел уже без усмешки.

— Как её зовут?

Павел нашёл что-то в телефоне, но не отправил сразу.

— Сформулируй ей нормально. Не начинай с того, что женщины кажутся тебе...

— Какими?

Павел выдержал паузу.

— Ненастоящими.

Вот и сказали.

Максим услышал это слово со стороны и не почувствовал облегчения.

— Я не идиот, — сказал он.

— Я знаю. Поэтому и даю контакт. Говори с ней фактами. Если начнёшь с выводов, она тоже отправит тебя к врачу.

Телефон Максима коротко дрогнул.

Вера Ланская. Личные расследования. Конфиденциально.

Ни сайта, ни слогана. Только номер и адрес в старом доме недалеко от Чистых прудов.

Максим долго смотрел на имя.

Вера.

Имя было слишком точным. Почти издёвкой.

— Ты с ней работал? — спросил он.

— Пересекался. Наследственное дело. Поддельная сиделка, старая мать клиента, деньги. Ланская нашла то, что полиция даже не искала. Без цирка. Не давит, не бегает с папками. Садится напротив человека и слушает так, что ему самому становится трудно врать.

Максим сохранил номер.

— Спасибо.

Павел поднялся.

— Это не благословение на безумие.

— Понимаю.

— Нет. Поэтому скажу прямо: проверь факты, если тебе нужно. Но не влюбляйся в неё только за то, что она не называет твои бредни выдумками.

Максим посмотрел на него.

— Ты заранее беспокоишься.

— Я адвокат. Мы живём за счёт чужих катастроф, начавшихся с фразы «ничего не случится».

Павел ушёл. После него остались кофе и тревога; на бессонную ночь её уже не списать.

Максим не позвонил Вере сразу.

Сначала он провёл совещание с дилерской сетью. Говорил о квотах, сроках, клиентской лояльности, сервисных провалах в регионах, штрафных механизмах, персональной ответственности руководителей направлений. Люди слушали, кто-то записывал, кто-то пытался спорить. Максим видел их как систему: задержка ответа, защита, попытка переложить ответственность, уступка.

В переговорной это было удобно. Роли понятны. Ошибки видны.

Сложнее было с Ингой. Ночью она лежала рядом, касалась его лица, а потом на одно короткое мгновение будто перестала отвечать изнутри.

В одиннадцать он поговорил с европейским офисом.

В двенадцать сорок отменил обед.

В три слушал презентацию нового интерфейса и плохо слышал. Руководитель продукта, молодой, гладко выбритый,

с дорогими часами поверх тонкого запястья, говорил про голосового помощника.

— Мы сделали паузу перед ответом чуть длиннее, — сказал он. — У пользователя возникает ощущение осмысленной реакции, не мгновенной выдачи. На тестах это повышает доверие примерно на семнадцать процентов.

Максим поднял голову.

— Повторите.

Парень сбился.

— Что именно?

— Про паузу.

— Пользователям не нравится мгновенная реакция системы. Она воспринимается как искусственная. Если добавить микрозадержку, ответ кажется более человеческим.

Кто-то перестал щёлкать пультом.

Максим смотрел на слайд. На белом фоне рядом с графиком стояла фраза: симуляция естественного отклика.

— Продолжайте, — сказал он.

После этого презентация шла без него. Он кивал в нужных местах, задавал вопросы, даже один раз поправил цифру в таблице, но всё время думал о паузе. О крошечном промежутке между запросом и ответом; в него, оказывается, помещалось доверие.

Вера ответила на звонок в половине шестого.

Голос у неё оказался ниже, чем он ожидал. Без телефонной улыбки.

— Ланская.

Максим на секунду пожалел, что позвонил.

— Меня зовут Максим Орлов. Ваш номер дал Павел Романов.

— Да, — сказала она после короткой паузы. — Он предупредил.

Максима кольнуло раздражение.

— Что именно он сказал?

— Что вам нужно проверить личную историю, неподходящую для первого попавшегося человека.

Павел сформулировал аккуратно. Даже бережно.

— Вы можете меня принять?

— Сегодня?

— Да.

Она молчала. Где-то рядом с ней шуршала бумага, за окном проехала машина, потом стало тихо.

— Через час, — сказала Вера. — Адрес у вас есть?

— Да.

— Тогда приходите. И, Максим...

— Да?

— Если хотите, чтобы я взялась за дело, не тратьте первые десять минут на доказательство, что вы рациональны. Это всегда мешает.

Она отключилась.

Максим ещё немного держал телефон у уха. Потом взял пиджак и вышел из кабинета, не сказав секретарю, куда едет.

К старому дому у Чистых прудов он приехал уже затемно. Дождь недавно прошёл. Тротуар блестел под витринами, у кафе курили двое мужчин, из открытой двери пахло жареным луком и мокрой шерстью. Дом стоял в стороне от шумной улицы: четыре этажа, лепнина с трещинами, тяжёлая дверь, старые почтовые ящики в подъезде.

Никакой вывески снаружи.

На втором этаже, у тёмной двери, висела маленькая матовая табличка:

Вера Ланская. Личные расследования.

Максим остановился перед ней.

Не агентство. Не центр безопасности. Не обещание найти любого человека за три дня. Имя и два слова.

Он постучал.

— Войдите, — сказала она изнутри.

Кабинет оказался не тем, что он успел представить. Никаких жалюзи, металлических шкафов, доски с фотографиями и красными нитями. Комната была тихая, домашняя на первый взгляд, но без настоящего уюта.

Высокие полки с папками и книгами. Широкий стол из тёмного дерева. Два кресла напротив, поставленные на таком расстоянии, чтобы человек не чувствовал ни давления, ни лёгкой возможности уйти. Настольная лампа с латунной ножкой. У окна узкий диван, серый плед, сложенный небрежно. В углу глухо работал очиститель воздуха.

Пахло бумагой, кофе и чем-то горьким.

Вера поднялась ему навстречу.

На вид ей было около тридцати пяти, может быть больше. Тёмные волосы собраны низко, без старательности. Лицо спокойное, с усталостью у глаз; она её не прятала и не превращала в украшение. Тёмно-синяя блузка, широкие серые брюки, тонкое кольцо на среднем пальце левой руки.

Она не улыбнулась. Только кивнула, как будто они продолжали разговор, начатый по телефону.

— Максим?

— Да.

— Вера Ланская.

Рукопожатие было коротким. Ладонь сухая, тёплая.

Он отметил это и тут же разозлился на себя.

— Садитесь. Кофе, вода?

— Воду.

Она поставила перед ним стакан, села напротив и не взяла блокнот. Смотрела не следовательно, без нажима, но очень внимательно. Заранее приготовленные фразы начали рассыпаться ещё до того, как он открыл рот.

— Павел сказал, вы занимаетесь странными личными делами.

— Павел любит считать, что всё нормальное идёт через суд, а всё странное приходит ко мне. Иногда он прав.

В её голосе не было шутки, но сам ответ чуть сбивал строгость. Максим впервые за день вдохнул глубже.

— Что вы называете личными расследованиями?

— Людей, оказавшихся не теми, кем были в чужой жизни. Поддельные биографии. Исчезновения после близости. Двойные семьи. Романтические аферы. Ложные документы. Иногда наследственные истории, иногда шантаж, иногда прошлое, прибранное подозрительно чисто.

Последние слова она сказала ровно.

Максим всё равно услышал их отдельно.

— Дела об изменах вы берёте?

— Редко.

— Почему?

— Они чаще всего простые. Переписка, гостиница, чек, такси, чужой волос в ванной. Боль большая, а устройство дела маленькое. Мне интереснее там, где фактов много, но они не складываются.

Она не старалась звучать эффектно.

Максим поставил стакан на стол.

— У меня нет доказательств.

— Это не всегда мешает начать.

— Есть только ощущение.

— Ощущение тоже может быть следом. Ненадёжным, кривым, испорченным вашим страхом, но следом. Вопрос в том, ведёт оно к фактам или к вашей боли.

Максим усмехнулся.

— Вы всё-таки психолог?

— Нет. Люди редко лгут только документами. Они лгут голосом, телом, выбором подробностей, тем, как ставят пау-

зу. Поэтому приходится слушать всё.

Он не ответил.

Вера не стала помогать.

Она умела ждать. После такого молчания человек сам решил, что принёс сюда.

Максим достал из внутреннего кармана пиджака конверт.

Он приготовил его утром между совещаниями. Сказал себе, что собирает материалы на случай звонка. В конверте были четыре фотографии, распечатанные на плотной бумаге: экран телефона казался лёгким для этих женщин. Из-за них он перестал доверять собственным глазам.

Он положил снимки на стол.

Анна.

Лера.

Марта.

Инга.

Вера не коснулась их сразу. Сначала посмотрела на лица, потом на Максима. Только после этого взяла первую фотографию двумя пальцами, аккуратно, за самый край.

— Кто они?

В горле стало сухо.

— Женщины, с которыми я встречался.

— Когда?

— Последние три года. Не одновременно, если это важно.

— Важно всё. Но не обязательно всё сразу.

Она разложила снимки в ряд.

Женщины его прошлого лежали между ним и другой женщиной. Максим посмотрел на ряд фотографий и захотел сдвинуть их обратно в конверт, хотя ничего пошлого в комнате не было.

— Они причинили вам вред? — спросила Вера.

— Нет.

— Украла деньги?

— Нет.

— Угрожали?

— Нет.

— Исчезли?

Максим посмотрел на Ингу.

— Не совсем.

— Что значит «не совсем»?

— Я ушёл первым.

Вера кивнула. Блокнот всё ещё лежал закрытым.

— Тогда что вы хотите выяснить?

Вот теперь надо было говорить.

До этой минуты ещё можно было прятаться за адресами, биографиями, совпадениями, цифровыми следами. Теперь оставалось сказать то, с чем он сам не хотел оставаться в одной комнате.

Анна улыбалась на солнце. Лера смотрела прямо, с уверенностью, странной для случайного снимка. Марта была снята в профиль на фоне книжных полок. Инга сидела у окна в свитере с длинными рукавами и держала чашку обеими

руками.

Все разные.

Все живые.

— Я хочу понять, кем они были, — сказал Максим.

— Это очень общий вопрос.

— Я знаю.

— Они лгали вам о прошлом?

— Я не знаю.

— О семейном положении?

— Не думаю.

— О работе, возрасте, имени?

— Всё совпадало.

— Тогда в чём подозрение?

Максим поднял глаза.

— В том, что всё совпадало слишком хорошо.

Вера не поморщилась. Не улыбнулась. Не посмотрела на него осторожно, как смотрят люди перед тем, как отодвинуть кресло подальше.

Она только придвинула фотографию Инги ближе к себе.

— Продолжайте.

Он выдохнул.

— У каждой была жизнь. Документы, работа, друзья, фотографии, привычки. У каждой были свои странности. Недостатки. Мелкие нестыковки. Всё как надо. Не идеальные женщины. Очень правдоподобные.

— Само по себе это ещё не ложь.

— Нет. Но иногда ложь как раз так и выживает.

Вера посмотрела на него чуть дольше.

— Вы работаете с имитациями?

Вопрос задел его врасплох.

— Почему вы спрашиваете?

— Вы не говорите «они меня обманывали». Вы говорите «правдоподобные», «совпадало», «слишком хорошо». Это язык проверки сборки. Так ищут подделку, когда грубой ошибки нет.

Максим дёрнул уголком рта, но улыбки не вышло.

— Я операционный директор представительства автомобильного концерна.

— Технологии, контроль качества, пользовательский опыт?

— В том числе.

— Тогда понятно.

— Что вам понятно?

— Почему вас пугает сама настройка.

У него напряглась грудь. Не больно, но резко. Как будто кто-то поставил палец на забытый синяк.

Настройка.

Да.

Нежность с чужим расчётом внутри.

— Вы хорошо говорите, — сказал он.

— Это редко помогает делу.

— Иногда помогает клиенту.

— Утешать вас мне нечем.

— Нет.

— Тогда расскажите не вывод. Момент.

— Какой?

— Первый. Когда вы впервые почувствовали, что одна из этих женщин на секунду перестаёт быть собой.

Максим посмотрел на фотографию Анны.

Он знал, что начнёт с неё. Не потому, что решил заранее. Всё плохое потом всегда возвращалось к самому первому месту, где оно ещё казалось глупостью.

— Это была Анна, — сказал он.

Вера открыла блокнот.

— Расскажите.

Максим закрыл глаза.

Сразу появилась кухня.

Июльский вечер. Открытое окно. Белая рубашка на её голлом плече. Стеклянная миска черешни на столе. Анна сидит на полу у холодильника, потому что там, как она сказала, «прохладнее и честнее». Её босая ступня лежит у него на колене. Пальцы испачканы соком, на губе красное пятно.

Тогда черешня, открытое окно и её босая ступня у него на колене были просто летом.

— Она смеялась, — сказал он. — Громко. Над какой-то ерундой, я уже не помню. Потом начала говорить и не договорила.

— Почему?

Он открыл глаза.

Вера смотрела на него, не на блокнот.

— Не знаю. Она не задумалась, не забыла слово, не услышала что-то за окном. Просто остановилась. На секунду. Может, меньше. Потом продолжила с того же места. С той же улыбкой. Как будто ничего не было.

Вера записала несколько слов.

— Что вы почувствовали?

Максим хотел сказать: ничего.

Так было бы лучше.

— Холод, — сказал он. — В кухне было жарко. На ней была только моя рубашка, она ела черешню, смеялась. А мне стало холодно.

— Вы сказали ей?

— Нет.

— Почему?

Он усмехнулся.

— Потому что нормальные мужчины не говорят женщинам: «Ты странно продолжила фразу после паузы».

— Нормальные мужчины многое оставляют при себе. Потом приходят ко мне с фотографиями.

Это было похоже на шутку, но не до конца.

Максим впервые посмотрел на Веру не как на специалиста. Как на женщину напротив. У неё была усталая тень у правого глаза, небольшая неровность в линии брови, тонкий шрам у основания большого пальца. Он заметил всё это и

почувствовал облегчение. Потом сразу стыд.

Несовершенства успокаивали его. Значит, он опять про-
верял.

— Вы изучаете меня? — спросила Вера.

Максим замер.

— Что?

— Вы ищете во мне ошибки. Я не возражаю. Отмечаю.

Он отвёл взгляд.

— Профессиональная привычка.

— Нет. Защитная.

На столе тихо щёлкнула лампа. Или ему показалось. Мак-
сим взял стакан воды и сделал глоток, хотя пить не хотел.

— Вы возьмётесь?

Вера не ответила сразу.

Она снова посмотрела на фотографии. Анна, Лера, Мар-
та, Инга. Потом передвинула снимки так, чтобы между ними
осталось одинаковое расстояние. Максим отметил это авто-
матически, и внутри снова дёрнулось.

Фотография Инги всё равно легла чуть криво.

Вера увидела его взгляд.

И не стала её поправлять.

Странно, но именно после этого он на секунду поверил,
что сможет говорить дальше.

— Я возьмусь, — сказала она.

Максим выдохнул.

— Что вам нужно?

— Всё, что у вас есть. Переписки, фотографии, голосовые, даты встреч, места, где вы бывали, фамилии, номера, адреса, работа, круг общения. И отдельно — воспоминания о странных для вас моментах.

— Воспоминания ненадёжны.

— Да. Особенно когда человек боится оказаться правым. Он поднял глаза.

— Вы думаете, я боюсь быть правым?

— Нет, Максим. Вы принесли мне материалы так, будто ждёте, что я их опровергну.

Он ничего не сказал.

Она назвала то, что он прятал даже от себя. Максим вдруг представил чужую папку: документы, старые фотографии, свидетели, чеки, адреса, случайные сообщения. Всё разложено по датам. Всё обычное. Все живые. А он испугался.

Вера закрыла блокнот.

— Начнём с Анны. Потом Лера, Марта и Инга. Но договоримся сразу: я не буду подтверждать вашу версию только потому, что вы за неё платите.

— Мне не нужно подтверждение.

— Что вам нужно?

Он посмотрел на её лицо, на руку с кольцом, на лампу, на четыре фотографии между ними.

— Мне нужно перестать проверять, — сказал он.

Вера чуть изменилась в лице. Не улыбнулась. Взгляд стал менее жёстким.

— Тогда будем искать то, чему вы сможете поверить.

Он хотел спросить, верит ли она сама хоть во что-нибудь.

Не спросил.

За окном темнело. В кабинете глухо работал очиститель воздуха. На столе лежали четыре фотографии, стакан воды и закрытый блокнот Веры. Она не назвала его безумным.

Когда Максим вышел из её кабинета, дождь заканчивался.

Он сел в машину и несколько минут не заводил двигатель. Капли с крыши стекали по лобовому стеклу неровными дорожками. У подъезда кто-то хлопнул дверью, потом в окне второго этажа погас свет.

Телефон тяжело упирался в ладонь.

Последним в переписке было сообщение Инги:

«Я не понимаю, что случилось. Но ты можешь вернуться.

Я не буду спрашивать сейчас».

Максим набрал ответ.

Стер.

Набрал снова.

Снова стер.

Потом открыл новый контакт.

Вера.

Имя оказалось слишком удобным для его случая. Почти грубым. Он смотрел на него и не знал, спокойнее ему стало или хуже.

Двигатель не схватил с первого раза. Максим повернул ключ ещё раз, медленнее, и услышал под капотом ровный

НИЗКИЙ ЗВУК.

Глава 2. Анна

Вера написала ему в девять сорок две утра.

Максим запомнил время. Телефон лежал справа от ноутбука, экраном вверх, между остывшим кофе и квартальным отчётом. Отчёт он за утро открывал трижды. Дальше первой страницы так и не ушёл.

После ночного дождя солнце било от соседней башни прямо в кабинет. На столе лежали белые полосы света. В них было видно всё: кофейный след на чашке, сухую кожу у костяшек, смятую манжету рубашки.

Он не любил такое утро.

Сообщение пришло без звука. Экран коротко вспыхнул.

Вера:

Нужны материалы по Анне. Не всё сразу, только то, что вы готовы отдать сегодня. Фотографии, переписки за первый месяц, даты встреч, места, где вы бывали. И отдельно — ваш рассказ о кухне. Не выводы. Сцена. Как можно точнее.

Максим прочитал один раз. Потом перечитал.

На третий раз понял, что задержал дыхание.

«Ваш рассказ о кухне».

Она не написала «инцидент». Не дала воспоминанию служебное имя. Кухня. Просто кухня. Так было хуже и легче одновременно: там сразу появлялись жара, открытое окно, миска с черешней, Анна в его рубашке.

Он нажал на поле ответа.

Не написал.

Слева на экране висела таблица дилерской сети. Красные ячейки требовали решений. Секретарь дважды переносила звонок финансового директора. В почте мигал запрос из европейского офиса. Миллионы, поставки, сроки, региональные провалы, люди с оправданиями. Это было неприятно, но привычно. Смотришь достаточно долго — и проблема становится схемой.

С Анной схема не собиралась.

Он открыл папку в личном облаке. Не трогал её около года.

Имя было нейтральным: А.

Когда-то ему казалось взрослым не стирать фотографии женщин, с которыми всё закончилось без грязи. Не прятать, не вычищать прошлое. Теперь каждая такая папка выглядела как архив подозрений, начатый раньше, чем он сам понял, чем занимается.

Анна появилась на экране сразу.

На первом снимке она стояла на мосту и держалась обеими руками за металлические перила. Ветер бросал ей волосы на лицо, она смеялась и щурилась. За спиной дробилась река. Снимок был смазан: Максим фотографировал на ходу, а она смеялась над ним и говорила, что у него руки руководителя, не человека с камерой.

Он услышал её голос.

Самый первый: летний, звонкий, с московским «а», появившимся у неё после вина или усталости. Поздний голос, с трещиной внутри, пришёл уже потом.

Анна была иллюстратором.

Не детских книг, как он сначала почему-то решил. Она рисовала упаковки, открытки, небольшие журнальные развороты, вещи, мимо которых люди проходят взглядом. Травы. Руки. Птиц. Женские лица. Иногда зверей с такими грустными глазами, что ему становилось неловко. Её квартира была полна баночек, бумаги, старых кистей и засохшей гуаши; карандаши стояли в тонких стаканах.

Они познакомились на открытии маленькой выставки в галерее у Патриарших.

Максим приехал не ради искусства. Один из партнёров представлял благотворительную инициативу, связанную с городскими пространствами. Нужно было появиться, пожать руки, сказать несколько ровных слов и уехать на другой ужин, дороже и громче.

Анна стояла у стены с бокалом минеральной воды. Смотрела не на картины. На людей перед картинами.

Это ему понравилось.

— Вы тоже здесь не из-за искусства? — спросил он.

Она повернулась. Не окинула его привычным быстрым взглядом: костюм, часы, возраст, уверенность, кольца нет. Сначала будто услышала интонацию. Потом уже посмотрела в лицо.

— Я здесь как раз из-за искусства, — сказала она. — Просто искусство сегодня пришло посмотреть на себя.

Он засмеялся.

Не для вежливости.

Анна не была эффектной в привычном смысле. Светлые волосы до плеч, тонкая шея, серо-зелёные глаза, детский рот с тенью улыбки. Она не заставляла комнату оборачиваться. Рядом с ней через десять минут обнаруживаешь, что смотришь только на неё.

В ней было мало нажима.

Она светила сбоку.

Максим отправил Вере несколько фотографий, потом переписку за первый месяц. Перед этим десять минут выбирал, что можно отдавать. Это оказалось унижительно: передавать другой женщине сообщения от Анны, где они ещё флиртовали, осторожничали, выбирали слова и не знали, какие из них потом станут больными.

Он выделил файл с голосовыми.

Задержался.

Палец висел над кнопкой отправки.

Голосовые были хуже фотографий. Фотография уже остановила тело. Голос продолжает жить: в дороге, ночью, после смеха, после поцелуя, после молчания. Женщина думала, что говорит только тебе. Не будущему расследованию.

Он всё-таки отправил.

Через минуту Вера ответила:

Получила. Сегодня вечером сможете приехать? Лучше говорить об Анне не по телефону.

Максим посмотрел на календарь.

Вечер был занят.

Он отменил всё за сорок секунд.

До встречи оставалось девять часов.

Эти девять часов оказались хуже ожидания перед переговорами. На переговорах тело хотя бы занято делом: держи спину, не трогай лицо, говори медленнее, не перебивай в момент чужой лжи. Здесь тело было бесполезным. Оно помнило то, что разум пытался оформить как показания.

К пяти вечера он устал так, как устают от хрупкой тяжёлой вещи в руках.

Перед уходом секретарь заглянула в кабинет.

— Максим, вам распечатать материалы к завтрашнему совету?

— Отправьте на почту.

Она кивнула, но не ушла сразу.

— Вы сегодня без водителя?

— Да.

— Хорошо.

Она сказала это осторожно. Значит, он выглядел хуже, чем думал.

В машине включился сохранённый профиль. Сиденье отъехало назад, руль вышел ближе, в салоне зажётся тусклый свет. На экране появилась рекомендация маршрута. Жен-

ский голос предложил объехать пробку через бульвары.

Максим отключил звук.

В машине стало тихо.

На Чистые пруды он приехал раньше назначенного времени. Десять минут сидел во дворе и смотрел на старый дом. На втором этаже горел тёплый прямоугольник окна. Он не знал, кабинет ли это Веры. Решил, что её. И тут же почувствовал раздражение к себе: он уже угадывал, где она находится. Уже ждал не только разговора.

Павел был прав.

Можно влюбиться не в женщину. В возможность быть выслушанным.

Вера открыла дверь сама.

Сегодня на ней был серый свитер с высоким воротом и чёрные брюки. Волосы распущены, заправлены за уши. Лицо без заметной косметики. Она выглядела менее официальной, чем вчера, и кабинет вокруг неё тоже казался другим: рабочей комнатой, где чужие истории задерживаются дольше положенного.

— Вы немного раньше, — сказала она.

— Могу подождать.

— Уже не нужно.

Она пропустила его внутрь.

На столе лежала папка с его материалами. Рядом распечатанные фотографии Анны, несколько листов с пометками, два стакана воды и маленький диктофон.

Максим задержал взгляд на диктофоне.

Вера проследила за его взглядом.

— Только с вашего согласия.

— Не надо.

— Хорошо.

Она убрала диктофон в ящик. Без возражений. Это движение сняло часть напряжения. Максим сел в знакомое кресло и поймал себя на том, что проверяет расстояние между ними. Такое же, как вчера? Или ближе? Смешно. Он всё равно заметил.

Вера села напротив.

— Я посмотрела материалы по Анне. Пока поверхностно. На первый взгляд биография подтверждается: образование, работа, старые проекты, налоговые следы, клиенты, аккаунты с многолетней историей. Обычная цифровая жизнь человека её профессии. Умеренно активная. Умеренно небрежная.

— То есть всё нормально.

— Я сказала: на первый взгляд.

Внутри дрогнула надежда. Он сразу возненавидел себя за это. Он пришёл не за невозможным. Или именно за ним. С каждым днём становилось труднее понять.

— Есть странности?

— Есть вещи, объяснимые по-разному. Несколько фотографий в старом аккаунте загружены пакетами, даты не совпадают с подписями. У двух заказчиков из её портфолио сай-

ты обновлялись задним числом. Архивы неполные. У бывшей мастерской странная история аренды: помещение числилось за одной студией, люди помнят Анну неуверенно. Всё это может быть обычным хаосом фриланса. Потеряли архив, перенесли аккаунт, восстановили портфолио, забыли даты.

— Но вы бы не сказали, если бы не заметили.

Вера посмотрела спокойно.

— Я говорю, потому что вы платите за точность.

— Я плачу за правду.

— Правда редко приходит первой. Сначала приходят версии, мусор и желание клиента увидеть в них свою боль.

Он усмехнулся.

— Вы всегда так ласковы?

— Только когда человек устал и мягкость ему уже вредна.

Максим замолчал.

Вера не сгладила сказанное. Просто взяла фотографию Анны на мосту и положила между ними.

— Расскажите о ней до кухни.

— Зачем?

— Мне нужно понять, какой она была в вашей памяти до подозрения.

Анна смеялась на ветру, и у Максима заболела грудь. Не от любви. От неё осталась папка, несколько голосовых и странная неловкость в пальцах. Болело другое: он когда-то мог смотреть на женщину и не искать место сборки.

— Она была лёгкой, — сказал он.

— Лёгкой — это оценка.

— Вы просили память.

— Память точнее без красивых слов.

Он поднял глаза.

— Вы всегда поправляете людей?

— Когда они начинают писать роман вместо показаний.

Он улыбнулся коротко, против воли.

Вера увидела, но не сделала из этого события.

— Хорошо, — сказал он. — Она много говорила, но не шумела. У неё руки всё время что-то трогали: край чашки, рукав, лист бумаги, собственные волосы. Если думала, могла нарисовать на салфетке половину птицы и забыть. Ела медленно. Ненавидела холодные помидоры. В кино плакала на сценах прощения. Однажды купила на блошином рынке старую ложку. Сказала, у неё усталый изгиб.

Вера записывала выборочно. Иногда одно слово. Иногда ничего. Максим чувствовал, что она слушает не содержание. Ритм. Где он ускоряется, где останавливается, где выбирает нежную подробность вместо точной.

— Вы были влюблены?

Он ответил не сразу.

— Тогда мне казалось, что да.

— А сейчас?

— Сейчас мне кажется, я был влюблён в состояние рядом с ней. Там не нужно было защищаться.

— Это похоже на любовь.

— Вы так думаете?

— Люди часто называют любовью место, где им наконец не больно.

Максим посмотрел внимательнее.

Ему не нравилось, когда Вера говорила такие вещи. Она произносила их спокойно, без желания понравиться. В эти секунды он забывал, что сидит напротив женщины, которой платит. Это было опаснее расследования.

— Мы встречались три месяца, — сказал он, отводя взгляд. — Может быть, чуть меньше. Сначала всё было обычно.

— Обычно для вас?

— Для людей.

— Люди редко знают своё обычное, пока оно не заканчивается.

Он выдохнул, но продолжил.

Анна сначала действительно была обычной, если этим словом можно назвать короткое время, когда двое взрослых делают вид, что ничего важного не происходит, хотя уже меняют маршруты, расписание сна и лицо при виде имени на экране.

Она присылала ему утром фотографии света на стене.

Он отправлял ей снимки машин из закрытого шоурума, обрезая кадр без логотипов. Она отвечала не восторгом. У этой фары лицо человека, слишком долго терпевшего. Салон красивый, только запаха дерева нет. Почему дорогие вещи

бояться быть смешными?

Ему нравилось, что она не пытается говорить его языком.

Нравилось, что не спрашивает о должности дольше необходимого. Нравилось, что не просит дорогих ресторанов. Однажды он сам отвёз её в такой. Анна весь вечер смущённо разглядывала тяжёлые приборы, а потом призналась, что ей стыдно за рыбу: подали её с видом жертвы ради архитектурной премии.

Он тогда смеялся.

Рядом с ней он вообще чаще смеялся.

— Когда у вас впервые была близость? — спросила Вера.

Вопрос прозвучал ровно.

Комната всё равно изменилась.

Максим взял стакан воды и не выпил.

— Это обязательно?

— Нет. Но вы сами сказали: ваши подозрения связаны не только с фактами. Ещё с тем, как они касались вас. Можно оставить тело за дверью, но тогда часть следов останется там же.

Он посмотрел на её руки.

Они лежали на блокноте спокойно. Не обещали, не отвлекали. От этого вопрос о теле стал ещё телеснее.

— После третьей встречи, — сказал он. — У неё дома.

— Как это было?

Он усмехнулся.

— Вы правда хотите, чтобы я описывал секс с другой жен-

щиной?

Вера поставила стакан чуть дальше от края стола.

— Я хочу понять, что тогда показалось вам живым. Или пугающе точным.

Он замолчал.

За окном прошла машина, свет фар скользнул по потолку и исчез. В кабинете было тепло. Максим почувствовал ту же неловкость, что утром, когда отправлял Вере голосовые. Чужая близость, вынутая из своего времени, делалась непристойной не от откровенности. Она больше не могла себя защитить.

— Тогда ничего не показалось странным, — сказал он. — Наоборот.

— Что?

— Она была неловкой. Не неопытной. Просто в начале немного боялась, хотя хотела. У неё дрожали пальцы, когда она расстёгивала мои часы. Я помню часы. Не платье, не бельё. Она не могла справиться с застёжкой, раздражалась и смеялась мне в шею. Это было...

Он остановился.

Вера ждала.

— Живым, — сказал Максим тише.

— Почему?

— Потому что в этом не было пользы. Никто не стал бы подделывать такую мелочь.

Он услышал себя.

Вера тоже услышала.

Она не стала хватать его за это сразу.

— Вы часто оцениваете живое через бесполезность?

Максим усмехнулся.

— Звучит чудовищно.

— Звучит грустно.

Она сказала это мягко. От мягкости захотелось защищаться.

— Вы просили точности. Для меня живое — ошибка, лишний жест, некрасивая реакция, плохая реплика. Всё, что не улучшает впечатление.

— А если человек просто внимателен?

— Я не всегда понимаю, где внимание заканчивается и начинается настройка.

Вера опустила взгляд в блокнот.

— Это важно.

— Для дела?

— Для вас.

Он хотел ответить резко.

Не ответил.

Устал. И она была права.

Анна стала для него первым доказательством живого именно через несовершенства: через застёжку часов, вишнёвый сок на пальцах, смешное раздражение от волос во рту во время поцелуя, ночной вопрос про соль. Ей вдруг захотелось помидоров, а есть помидоры без соли она считала насилием

над летом.

Он рассказывал Вере долго.

Не всё. Некоторые вещи оставил себе, хотя понимал: Вера это видит. Она не требовала. Иногда только поднимала глаза, когда он слишком резко обходил место, и этим взглядом показывала: дверь замечена, открывать сейчас не будем.

От этого он доверял ей сильнее.

— Теперь кухня, — сказала она.

Он знал, что это будет.

Тело всё равно отреагировало раньше: плечи напряглись, пальцы сжали стакан.

Вера подвинула к нему фотографию Анны с мостом.

— Смотрите на неё, если так легче. Не на меня.

— А если тяжелее?

— Тогда в окно.

Он выбрал фотографию.

Так было честнее.

В тот вечер стояла жара.

Июльская, липкая, городская. К ночи она не уходила, только ближе садилась к коже. Кондиционер у Максима сломался накануне, мастер обещал приехать утром. Анна, вместо благородного страдания, сразу сняла платье, осталась в его белой рубашке и сказала, что цивилизацию переоценили.

Они не собирались ужинать.

Потом всё же сделали что-то вроде ужина: холодный сыр, помидоры, хлеб, черешня, бутылка ледяной воды. Анна при-

кладывала бутылку к шее. Окна были открыты настежь. Снизу поднимался двор: спор из-за парковки, музыка, хлопок подъездной двери. На кухне пахло фруктами, нагретой пылью и её кожей.

Максим сидел на полу. Анна объявила пол единственным честным местом в квартире. Она устроилась рядом, спиной к нижним шкафам, поставила между ними миску с черешней и положила босую ступню ему на колено.

— Ты всегда так делаешь? — спросил он.

— Как?

— Захватываешь территорию.

— Конечно. Зачем ещё приходить к мужчине домой?

Она сказала это серьёзно, и он засмеялся.

Анна тоже засмеялась, потом вдруг поцеловала его в угол губ и вернулась к черешне, как будто ничего особенного не случилось. Она умела делать близость лёгкой. Поцелуй не превращался в обещание, но и не оставался пустым.

— Она много смеялась? — спросила Вера.

Голос Веры резко вернул его в кабинет.

— Да.

— В тот вечер больше обычного?

— Нет. Так же. Ей было жарко, она выпила немного вина.

Пьяной не была.

— Что вы обсуждали перед паузой?

Максим нахмурился.

— Точно не помню.

— Попробуйте.

Он закрыл глаза.

Анна на полу. Черешня. Белая рубашка. Её колено у его бедра. Сок на пальцах. Шум двора. Жаркий воздух. Она рассказывала про заказчика, попросившего нарисовать «радостную грусть», и объясняла, что это возможно только у собак и некоторых мужчин после сорока.

Максим сказал, что ему ещё нет сорока.

— Но уже близко, — ответила она.

— Осторожнее. Я могу обидеться.

— Не можешь.

— Почему?

Анна покатила черешню между пальцами и посмотрела на него с нежностью, от которой ему захотелось смеяться ещё.

— Потому что ты обижаешься только на правду.

Он хотел возразить.

Не успел.

Она продолжила, уже смеясь:

— Всё остальное ты складываешь по ячейкам, ставишь напротив человека пометку, потом делаешь вид, что забыл.

Он схватил её за лодыжку и сказал: она слишком много себе позволяет.

Анна наклонилась к нему.

И остановилась.

Вера не перебила.

Максим открыл глаза, но видел кухню.

— Она держала черешню, — сказал он. — Уже поднесла ко рту. Смеялась. Потом смех оборвался. Не резко. Просто закончился. Она смотрела на меня. Или рядом со мной. Я не уверен.

— Сколько?

— Меньше секунды.

— Вчера вы сказали: секунда.

— Тогда казалось дольше.

— А сейчас?

— Сейчас я не знаю, было ли это вообще.

После этих слов он сильнее сжал стакан.

Вера кивнула.

— Что дальше?

— Она договорила.

— Ту же мысль?

— Да.

— Интонация изменилась?

Максим сжал пальцы.

Вот здесь была больная точка.

Люди замирают. Думают. Выпадают из разговора, особенно в жару, после вина, в рассеянной близости. Но Анна вернулась не как человек, потерявший мысль. Она вернулась так, будто запись пошла дальше.

— Едва заметно, — сказал он.

— Едва?

— Не заставляйте меня делать вид, что я уверен.

— Я как раз мешаю вам притворяться уверенным.

Он посмотрел резко.

Вера выдержала.

— Максим, если мы расследуем, придётся уважать не только страхи. Сомнения тоже. Часто они честнее.

Он отвернулся.

За окном вечер густел. Огни машин проходили по потолку кабинета. Вера дала ему время. Не красивую паузу. Время.

— Она сказала: «Я всё равно тебя раскушу», — произнёс он. — Вот что было после. До этого про эти ячейки в голове, потом остановилась, потом сказала это. И улыбнулась. Точно так же.

Вера записала.

— Вы испугались сразу?

— Нет.

— Что сделали?

Он усмехнулся.

— Поцеловал её.

— Почему?

Вопрос был тихий.

От него стало жарко.

— Потому что хотел. И потому что не хотел думать. Если целуешь женщину, которая кажется странной, можно доказать себе, что она живая.

— Помогло?

Он молчал.

— На несколько минут.

После паузы он действительно поцеловал Анну. Сначала грубо, сам удивившись движению. Потом медленнее: она ответила смехом в губы, ладонью на затылке, телом, потянувшись через миску с черешней. Ягоды рассыпались по полу. Одна раздавилась под его коленом и оставила тёмное пятно на плитке. Анна сказала, что теперь его кухня официально крещена летом, и он снова засмеялся.

В тот вечер всё продолжилось.

Это потом мучило его сильнее самой паузы.

Если он испугался, почему остался в её теле, смехе, жаре? Почему не отодвинулся? Почему желание оказалось быстрее страха? Почему страх сделал желание острее?

Он не хотел говорить это Вере.

Наверное, сказал лицом.

— Вас тревожит, что после этого вы захотели её, — сказала она.

Максим закрыл глаза.

— Да.

В комнате стало тихо.

Он услышал, как Вера положила ручку на стол.

— Это не делает вас виноватым.

— А кем делает?

— Человеком.

Он усмехнулся без улыбки.

— Слабое утешение.

— Я не утешаю.

— Тогда что вы делаете?

— Отделяю факт от наказания, придуманного после.

Максим открыл глаза.

Вера сидела чуть наклонившись вперёд. Свет лампы делал её лицо неровно: одна сторона тёплая, другая в тени. Она держала ручку между пальцами, но не записывала. Смотрела без жалости и без любопытства.

— Вы не обязаны были перестать желать женщину в момент страха, — сказала она. — Иногда тело верит дольше головы. Иногда наоборот. Это ничего не доказывает про неё. И ничего не доказывает про вашу испорченность.

Он слушал и не хотел слушать.

Потому что именно это хотел услышать.

— Павел сказал, чтобы я не влюблялся в вас только потому, что вы не смеётесь, — произнёс Максим вдруг.

Вера моргнула.

Едва заметно.

Впервые за вечер он застал её врасплох. Или захотел так думать.

— Павел иногда говорит разумные вещи, — сказала она.

— Иногда?

— Не будем портить его репутацию.

Максим неожиданно улыбнулся.

Дольше, чем раньше.

Вера тоже едва улыбнулась и тут же убрала это с лица.

Не холодно. Рабоче. Но маленькая улыбка осталась между ними, как след пальца на стекле.

Он почувствовал её.

И насторожился.

Вера это заметила.

— Что сейчас произошло?

— Ничего.

— Неправда.

Он устало откинулся в кресле.

— Вы улыбнулись.

— Едва.

— Да. И я почему-то решил, что это было честно.

— Почему?

— Вы не сделали из этого приём.

Вера посмотрела внимательно.

— Максим, я многое делаю как приём. Это моя работа.

Расстояние, паузы, вопросы, молчание. Иначе человек закрывается или начинает играть. Разница в цели.

Ответ ему не понравился.

Слишком честный, без попытки его успокоить.

— И какая цель со мной?

— Чтобы вы не ввали раньше времени.

— А позже?

— Позже вы, возможно, будете врать точнее.

Он рассмеялся тихо, почти беззвучно.

За двое суток это был первый смех, не похожий на чужой.

Вера снова взяла фотографию Анны.

— Вернёмся. После кухни ваши отношения изменились?

— Не сразу.

— Когда?

Максим провёл ладонью по лицу.

После кухни всё несколько недель шло обычным ходом.

Они виделись у него и у неё, гуляли по ночной Москве, покупали мороженое в неприлично дорогих местах, спорили о машинах. Можно ли считать автомобиль красивым, если он очень старается выглядеть хищником? Анна говорила, что мужчины часто путают агрессию с элегантностью. Максим отвечал, что женщины иногда путают язвительность с глубиной. Она целовала его в щёку и говорила, что он обучаем.

Но после кухни он начал замечать.

Или придумывать.

Анна иногда отвечала на сообщения ровно вовремя: он успевал почувствовать её отсутствие, но не успевал обидеться. Анна запоминала случайные слова и возвращала их через неделю так точно, что сначала это казалось нежностью, потом архивом. Однажды сказала, что не любит апельсиновый свет в спальне, хотя он был уверен: про свою ненависть к холодному верхнему свету он ей не рассказывал. Возможно, она просто заметила.

Живые люди замечают.

Влюблённые особенно.

Но подозрение не спрашивает разрешения. Оно садится

рядом с любовью за один стол и начинает говорить её голо-
сом.

— Вы отдалились? — спросила Вера.

— Да.

— Она почувствовала?

— Конечно.

— Что сказала?

Максим посмотрел на свои руки.

— Что я стал смотреть на неё так, будто она проходит со-
беседование.

Вера ничего не записала.

— Это было точное замечание?

— Да.

— Что вы ответили?

— Что у меня сложный период на работе.

— Она поверила?

— Сделала вид.

— Или поверила?

Он поднял взгляд.

— Вы всё время оставляете ей шанс быть живой.

— Это моя работа.

— Защищать её?

— Не подгонять факты под вашу версию раньше времени.

Максим замолчал.

Его задело. Вера не была на его стороне. От этого ей мож-
но было верить больше. Она не кормила страх, не гладила по

голове, не соглашалась ради оплаты. Между ними держалась тонкая жёсткая линия.

— Как вы расстались? — спросила она.

Он не любил этот кусок.

Там не было драмы. Поэтому было стыднее. Большой разрыв хотя бы даёт человеку масштаб: слёзы, крик, дверь, хлопок на лестнице. С Анной всё ушло тихо и вежливо.

Они сидели в кафе у её мастерской.

На улице шёл мелкий дождь. Анна пила чай с облепихой и смотрела в окно, на собственное отражение. Максим несколько дней собирался сказать, что им нужна пауза, но после кухни это слово стало неприличным.

Анна сказала первая:

— Ты всё время ждёшь, когда я ошибусь.

Он промолчал.

— Не поссорюсь и не сделаю что-то плохое, — продолжила она. — Тебе нужно поймать меня на несовпадении. Я говорю — ты проверяешь. Смеюсь — слушаешь, вовремя ли. Прикасаюсь — сначала отзываешься, потом сравниваешь с чем-то у себя внутри.

Она говорила без злости.

Это было хуже всего.

— Я не знаю, как быть женщиной рядом с мужчиной, который всё время ищет место, где я поддельная, — сказала Анна.

Тогда он впервые услышал это слово от неё.

Поддельная.

Он не произносил его вслух.

Но она почувствовала.

Или считала.

Или угадала.

— Я не думал так, — сказал он тогда.

Анна улыбнулась почти нежно.

— Думал. Просто без слов.

После этого они ещё минут десять сидели рядом, как люди, которым уже нечего спасать и всё равно жалко резко вставать. Он проводил её до мастерской. Она поцеловала его в щёку, не в губы.

— Береги себя, Максим, — сказала она. — Ты очень устанешь, если будешь искать доказательства в каждом тёплом человеке.

И ушла.

— Это были последние слова? — спросила Вера.

— Почти.

— Потом вы переписывались?

— Пару раз. Ничего важного.

— Для вас или для дела?

Он усмехнулся.

— Вы не дадите мне ни одной общей фразы?

— Не сегодня.

Максим вздохнул.

— Она написала через неделю. Спросила, как я. Я отве-

тил: нормально. Потом поздравила с днём рождения. Я написал: спасибо. Всё.

— Вы пытались узнать о ней после?

Он задержался.

Вера заметила задержку.

— Да, — сказала она сама. — Пытались.

— Не сразу.

— Что искали?

— Не знаю.

— Максим.

Он посмотрел в окно.

— Старые фотографии. Комментарии друзей. Следы до нашего знакомства. Я хотел увидеть её где-то без меня. Детство, институт, бывшие, случайные снимки, плохие волосы, глупые подписи. Всё, что не могло быть создано под меня.

— Нашли?

— Нашёл много.

Вера ждала.

— В этом и был ужас, — сказал он. — У неё было прошлое. Нормальное. Неровное. Подруги, поездки, старая собака, бабушка, умерший за два года до нашей встречи. Фотографии с дачи, с выставок, из больницы после аппендицита. Всё было. Даже больше, чем нужно.

— Вы понимаете, как это звучит?

— Как будто я хотел, чтобы у неё не было прошлого.

— Нет. Как будто никакое прошлое не смогло бы вас успо-

коить, если вы заранее допустили, что прошлое можно изготовить.

Он закрыл глаза.

Да.

Именно так.

Это была ловушка без выхода. Мало следов — подозрительно. Много следов — легенда собрана старательно. Женщина помнит важное — считывает. Забывает — имитирует ошибку. Хочет — программа. Отстраняется — защитный сценарий. Подозрение превращало любую реальность в доказательство себя.

— Тогда зачем я здесь? — спросил он.

Вера ответила не сразу.

— Возможно, вы устали быть единственным свидетелем.

После этих слов он стал очень тихим.

Он устал.

Не от женщин даже. От одиночества внутри собственного восприятия. Каждый раз, когда он замечал неправильность, рядом не было никого, кто мог бы сказать: да, я тоже это видел. Или наоборот: нет, Максим, это была просто женщина, просто пауза, просто жара.

— Я проверю Анну глубже, — сказала Вера. — Не быстро. Мне нужны контакты, которые вы можете дать. И те, которые не хотите давать, но всё равно дадите, если хотите результата.

— Вы всегда так формулируете?

— Так честнее.

— Что будете искать?

— Не роботов, если вы об этом.

Он резко посмотрел на неё.

Вера впервые произнесла слово, вокруг которого он ходил кругами.

Роботов.

В этом кабинете оно прозвучало грубо и дешево. Слово из неправильного жанра. Оно не подходило ни Анне с черешней на пальцах, ни Инге в пледе, ни Вере со спокойными руками.

— Я этого не говорил.

— Нет. Но вы говорите о подлинности так, будто боитесь изготовления.

Он молчал.

— Официально таких технологий нет, — продолжила Вера. — Не в виде, способном пройти через вашу жизнь без очевидных следов. Если бы вы пришли ко мне с прямым запросом проверить, не являются ли ваши бывшие искусственными существами, я бы, скорее всего, отказалась.

— А сейчас?

— Сейчас вы пришли проверить биографии, совпадения и странности поведения. Это возможно.

— Вы мне не верите.

— Я не обязана верить версии, чтобы верить человеку, который её принёс.

Максим отвернулся.

Странно, но это было сильнее простого «верю». В её ответе хватало места и для его страха, и для её разума. Она не смеялась. И не отдавала себя его безумию. Стояла на границе. Может быть, поэтому он всё ещё сидел напротив.

Вера собрала фотографии Анны в папку.

— На сегодня достаточно.

— Уже?

— Вы устали.

— Это не имеет значения.

— Имеет. Усталые люди подгоняют воспоминания под боль.

Он хотел возразить.

Не смог.

Вера поднялась, подошла к шкафу и достала тонкую бумажную папку. На корешке было написано просто: Анна. Она вложила туда фотографии, несколько листов с пометками, распечатку временной линии.

Максим смотрел на её руки и вдруг почувствовал облегчение почти до боли. Его страх, стыд, летняя кухня, Анна в белой рубашке — всё это теперь существовало не только в нём. Лежало в папке на столе. Имело вес. Название.

— Не делайте этого, — сказала Вера.

Он вздрогнул.

— Чего?

— Не превращайте папку в спасение. Это бумага.

Максим усмехнулся.

— Вы неприятно наблюдательны.

— Вы платите за это.

— Да. Но не за чтение мыслей.

— Я не читаю мысли. Вы очень выразительно молчите.

В её голосе появилась улыбка.

Он заметил.

И снова не понял, честная ли она.

У двери Вера остановила его.

— Максим.

Он обернулся.

Она стояла у стола, держа папку Анны. Свет лампы остав-
лял тени на её пальцах. Другая женщина держала прошлую
женщину, а между ними стоял он и не понимал, кого боится
больше: Анну, Веру или себя.

— До следующей встречи попробуйте вспомнить послед-
ний момент, когда рядом с Анной вам было спокойно. Не
счастливо, не интересно, не возбуждённо. Спокойно.

— Зачем?

— Подозрение хорошо помнит, где испугалось. А нам
нужно понять, где оно началось раньше.

Он кивнул.

— Хорошо.

— И ещё.

— Да?

— Не пишите Инге сегодня ночью.

Максим замер.

— Почему вы решили, что я собирался?

— Вы весь вечер смотрите на телефон так, будто он виноват.

Он хотел ответить резко.

Не вышло.

— Это уже не ваше дело.

— Конечно. Но вы принесли мне четыре женские истории. Пятая ещё живая. Не превращайте её в материал раньше времени.

Пятая.

Инга.

Ещё живая.

Эти слова задели.

— Вы защищаете и её?

— Я защищаю вас от привычки ломать то, что можно оставить в покое.

Максим долго смотрел на неё.

Вера не отвела взгляда.

Разговор закончился, но тело ещё не получило разрешения уйти. Он почувствовал запах её свитера: бумага, горький кофе, слабая пыль от старого шкафа. Если духи и были, то очень тихие.

— Спокойной ночи, Максим, — сказала она.

Он вышел.

На улице было сыро и темно. Машины шли по бульвару,

глухо шуршали шины. Максим дошёл до машины, но не сел сразу. Постоял у двери, глядя на мокрое стекло. В нём отражались старый дом, его лицо и выше — тёплый прямоугольник окна.

Телефон лежал в кармане тяжело.

Инга не писала.

Он чуть не написал сам.

Потом вспомнил голос Веры: «Пятая ещё живая».

И убрал телефон.

Машина узнала его и мягко вспыхнула фарами.

В салоне ожил женский голос, предлагая маршрут домой.

Максим хотел отключить звук, но не сделал этого.

— Домой? — спросила система.

Он сидел в темноте, держал руки на руле и думал об Анне, о черешне, о паузе, которая могла ничего не значить, и о Вере, державшей его страх в папке с аккуратной надписью.

— Нет, — сказал Максим.

И назвал адрес офиса.

Домой ему по-прежнему не хотелось.

А возвращаться к живым женщинам он пока не умел.

Глава 3. Черешня

Вера попросила его вспомнить последний момент, когда рядом с Анной ему было спокойно.

Не счастливо, не возбуждённо, не интересно.

Спокойно.

Она сказала это у двери своего офиса, уже отпуская его в ночь. Максим кивнул сразу, быстрее, чем стоило. Он устал спорить. Но в машине, по дороге в офис, понял: просьба тяжелее всех вопросов о паузах, фотографиях и датах.

Странности помнились легче.

Страх любит ясные места. Секунду. Слово. Взгляд. Руку, внезапно ставшую неподвижной. Он возвращает человека туда снова и снова, пока обычный вечер не начинает выглядеть уликой.

Покой держался иначе. Он не кричал из памяти, не требовал защиты. Просто был, пока его не разрушили. Потом уходил тихо. Чтобы найти его, приходилось копать себя глубже, чем хотелось.

Максим вернулся в офис, хотя ехать туда было незачем.

В здании оставались только охрана и ночной свет. На ресепшене мужчина поднял глаза от телефона, узнал его и сразу сделал вид, что приезд руководителя в одиннадцать вечера не требует удивления.

Лифт поднял Максима на двадцать первый этаж. В каби-

не было тихо. В тёмном стекле отражалось его лицо, чужое от усталости. Под ногами уходил вниз город, весь в мелких огнях.

В кабинете он не включил верхний свет. Сел за стол, открыл ноутбук и вместо рабочих файлов снова вошёл в папку А.

Анна появлялась на экране кусками. Её рука на его руле, когда она в шутку пыталась «почувствовать характер машины», хотя прав у неё тогда не было. Её затылок в музейном зале перед старым портретом. Она тогда сказала шёпотом, что у мёртвых женщин на картинах иногда больше права на отдых, чем у живых.

Потом угол его кухни.

Случайный, смазанный кадр: белая рубашка на стуле, миска с черешней, открытое окно, жёлтый квадрат света на полу.

Он задержался на этой фотографии. Не помнил, что снимал. Возможно, ничего. Возможно, Анну, но она вышла из кадра. Остались вещи после неё: скомканная салфетка, две косточки у края тарелки, тонкая полоска сока на столешнице.

Женщина уже исчезла из снимка. Вечер ещё держал её место.

Максим увеличил фотографию. Пальцы сами потянулись к телефону.

Он мог отправить кадр Вере сразу. Написать: «Нашёл фо-

то кухни». Но остановился. Если отдаст ей снимок сейчас, не вспомнив сам, она снова первой коснётся его памяти снаружи. А ему нужно было хотя бы раз войти туда одному.

Он откинулся в кресле и закрыл глаза.

Когда с Анной ему было спокойно?

Не в первый вечер. Тот был лёгким, искристым, полным взаимного интереса. В галерее у Патриарших Анна говорила о людях так, словно за костюмом и должностью видела, как человек держит плечи, куда смотрит. Одних ей хотелось дорисовать, других стереть мягким ластиком, третьих оставить как есть: «неровности иногда держат лицо лучше красоты».

Максим тогда смеялся чаще, чем собирался. Но это был не покой.

Он отвёз её домой на второй неделе знакомства. Тогда впервые увидел её квартиру.

Дом стоял в тихом переулке: старый, без красоты напоказ, с тяжёлой дверью, тёмной лестницей и запахом сырого дерева в подъезде. Анна шла впереди. Одной рукой держалась за перила, другой прижимала к груди пучок укропа, купленный у метро. Ей стало его жалко.

— Одинокий, почти как человек, — сказала она продавщице.

Максим нёс пакет с фруктами и бутылку вина. Ему было странно идти за ней по этой лестнице после закрытых парковок, переговорных и квартир, где всё выбирали так, чтобы ничего не цепляло глаз.

У Анны дома цепляло всё.

Книги лежали на полу. Не из-за нехватки полок: «некоторым нужно быть ближе к земле». На подоконнике стояли стаканы с кистями. В раковине две тарелки. У дивана плетёная корзина с пледами; один был надорван по краю, но такой мягкий, что Анна не могла выбросить его уже пять лет.

Пахло бумагой, краской, хлебом и свежим укропом. Она поставила его в стакан, как цветы.

— У тебя вещи живут свободнее людей, — сказал Максим.

Анна обернулась из кухни.

— А у тебя люди, наверное, живут как вещи.

Он должен был обидеться. Не обиделся.

Она сказала это без укола, просто заметила и сразу занялась бутылкой. Штопор был старше их обоих и явно не собирался помогать вечеру. Максим подошёл, забрал бутылку, открыл одним движением.

Анна посмотрела на него с притворным разочарованием.

— Ненавижу, когда мужчина оказывается полезным раньше времени.

— Мне выйти и зайти через десять минут беспомощным?

— Поздно. Я видела твою компетентность. Придётся с этим жить.

Они ели на полу, потому что стол был завален эскизами. Анна не стала их убирать. Только отодвинула стопку листов к стене. На одном Максим увидел женскую спину, нарисо-

ванную тонкой чёрной линией: шея, лопатки, чуть наклонённая голова. Ничего откровенного. Но в этой спине было столько усталой открытости, что он задержал взгляд.

— Не смотри так серьёзно, — сказала Анна.

— Как?

— Сейчас купишь права на мою грусть.

Он поднял глаза. Она сидела напротив, поджав ноги. Светлое платье с короткими рукавами, пятно краски на колене, волосы выбились из узла, губы после вина стали темнее. Она не старалась быть красивой. Поэтому была ею свободно, без просьбы заметить.

У Максима внутри что-то перестало держать оборону.

Покой, подумал он теперь, сидя ночью в офисе. Возможно, первый покой был тогда. Не когда он понял, что хочет её. Раньше. Когда ему стало не нужно быть убедительным.

Анна налила вино неровно. Чуть пролила на лист с эскизом и рассмеялась, не испугавшись пятна. Максим потянулся за салфеткой, но она накрыла его руку своей.

— Не спасай всё, — сказала она тихо. — Иногда пусть остаётся как случилось.

Её ладонь была тёплая, немного липкая от фруктов. В прикосновении не было игры. Она не удерживала его. Просто остановила, чтобы пятно осталось частью вечера.

Он посмотрел на её руку. Потом на неё.

В квартире вдруг стало тише. На улице кто-то смеялся, за стеной глухо работал телевизор, на кухне капала вода.

Но между ними звук отступил. Остались маленькая площадь света на полу, два бокала и её пальцы поверх его пальцев.

Анна первой убрала руку. Резко. Смутившись.

И эта резкость успокоила его. Живая неловкость. Живой отход назад. Кокетства тут не было. Рассчитанной паузы тоже. Только короткий испуг женщины, почувствовавшей, что сейчас может начаться нечто чересчур настоящее для вечера с вином, укропом в стакане и пятном на бумаге.

— Расскажешь мне про свои машины? — спросила она, отворачиваясь к тарелке.

— Сейчас?

— Да. Нужно вернуть тебя в безопасный режим.

— Мой или твой?

— Наш общий.

Они говорили до ночи. Она спрашивала не про скорость, цену и статус. Её интересовало, как машина узнаёт человека. Максим рассказывал о настройках сиденья, профилях водителя, реакции системы на привычки, о том, как интерфейс должен ощущаться продолжением руки. Анна слушала внимательно, но без восторга. Спорила. Морщилась.

— Это красиво, — сказала она. — И страшно.

— Почему?

— Если вещь хорошо приспособливается к человеку, он может забыть, что это вещь.

Тогда Максим не почувствовал холода. Наоборот, ему стало интересно.

— Ты боишься технологий?

— Нет. Я боюсь человеческой благодарности к тому, что просто хорошо настроено.

Он не запомнил эту фразу сразу. Тогда она прошла мимо, зацепила край внимания и исчезла. Позже, после кухни, после расставания и после других женщин, она вернётся к нему болезненно точно. Анна сказала то, что потом станет его страхом. В тот вечер он ещё мог смеяться.

— Значит, мне срочно нужно стать плохо настроенным, чтобы ты не перепутала меня с вещью.

— Не трудись. У тебя и так достаточно человеческого брака.

— Приятно слышать.

— Это комплимент.

Она улыбнулась, и разговор снова подошёл к той границе, где дышат уже иначе. Анна потянулась к бокалу и случайно коснулась его колена. Руку не задержала. Вид, что не заметила, тоже не сделала. Просто движение вышло ближе, чем нужно, и оба на секунду стали внимательны к этому месту.

Колено. Её пальцы. Ткань его брюк.

Ничего особенного, если пересказать. Всё, если прожить.

Он не поцеловал её в тот вечер. И потому потом считал его одним из самых настоящих.

Когда Максим уходил, Анна стояла в дверях босиком, держа на груди надорванный плед. Лифт в её доме работал медленно, с глухим механическим вздохом за шахтой. Он нажал

кнопку, повернулся к ней, хотел сказать что-нибудь лёгкое.

Она посмотрела без улыбки.

— Ты очень устаёшь быть собранным, да?

Он не ответил. Ответ был чересчур личным для второго свидания. Анна кивнула, словно не ждала ничего другого.

— Тогда иногда не будь, — сказала она. — Хотя бы со мной.

Дверь лифта открылась. Он уехал, не коснувшись её. И всю дорогу домой чувствовал возможность быть рядом с женщиной и не выполнять свою роль до конца. Не губы, не тело. Именно возможность.

Покой. Да. Вот он.

Максим открыл глаза в кабинете. За окном стояла полная ночь. В стекле отражались фотография автомобиля на стене, его неподвижная фигура за столом и маленький экран телефона.

Он взял телефон и написал Вере.

Я вспомнил. Не кухню. Раньше. У неё дома. Второе свидание. Это, наверное, было спокойно.

Ответ пришёл не сразу. Он успел подняться, пройтись по кабинету, налить воды и остановиться у окна. Потом экран вспыхнул.

Вера:

Запишите сейчас. Не красиво. Точно. Где сидели, что ели, что она сказала перед тем, как вам стало спокойно. И что вы сделали, когда поняли, что вам не нужно защищаться.

Максим долго смотрел на последнюю фразу. Что он сделал?

Ничего.

Он ничего не сделал. Не потянулся к ней, не взял паузу под контроль, не превратил растерянность в поцелуй, не сказал умную фразу. Просто остался сидеть на полу в чужой квартире рядом с женщиной, которая разрешила пятну остаться пятном. И на несколько минут перестал быть человеком, обязанным всё исправлять.

Он написал именно это. Потом отправил фотографию кухни, хотя она была из другого вечера, позднего, уже заражённого будущим страхом.

Вера ответила через десять минут.

Вера:

Снимок важный. Но он не из спокойствия. Он из уже начавшегося контроля. Вы это чувствуете?

Максим едва не разозлился. Да. Чувствовал.

На фотографии кухни всё было сохранено подозрительно внимательно: миска, рубашка, пятно, косточки. Он снял улики вечера. Даже тогда, возможно, уже начал собирать доказательства, не зная против кого.

Он не ответил. Вера больше не писала. Память, оставшись без её голоса, пошла дальше сама.

После второго свидания они сближались медленно, хотя медленность была скорее видимостью. Взрослые люди умеют растягивать приближение, чтобы оставить себе выбор: не

целоваться у подъезда, но думать о чужой шее в лифте; писать нейтральное «как день?», вкладывая туда желание увидеться; сидеть рядом в кино без касания рук, но чувствовать тепло плеча через ткань как признание.

Анна не торопила его. Иногда Максим думал, что она вообще не умеет торопить. Могла пропасть на день, потому что «провалилась в работу». Могла забыть ответить, а потом прислать фотографию голубя с подписью: «Он смотрит на меня как заказчик, который хочет правки без доплаты».

Его это раздражало. Потом нравилось. Потом раздражало именно потому, что нравилось. В ней было много собственной жизни, не подчинённой его расписанию. Тогда это казалось спасением.

На третьей неделе он приехал к ней после тяжёлого совещания.

В представительстве всё шло наперекосяк: машины задержались на границе, один дилер сорвал обязательства, европейский офис требовал объяснений, новый клиентский интерфейс на тестах плохо распознавал голосовые команды. Максим провёл двенадцать часов в переговорах, где все говорили о доверии, ответственности и партнёрстве, имея в виду деньги, страх и попытку не оказаться крайним.

К Анне он ехал без сил.

Она открыла дверь сразу. Старая серая футболка, мягкие домашние брюки, карандаш за ухом. Посмотрела на его лицо и ничего не спросила.

Это было первым. Потом молча забрала пиджак, повесила на спинку стула, сняла карандаш из волос и положила на стол. Он стоял в прихожей, нелепый в дорогих туфлях на её потёртом коврикe, среди запаха тушёных овощей, бумаги и чуть подгоревшего хлеба.

— Иди в душ, — сказала она.

— Я не просил.

— А я не предлагала. Я распорядилась.

Он хотел возразить. Не возразил.

Вода в её ванной шла неровно: сначала холодная, потом резко горячая, потом наконец терпимая. На полке стояли баночки без системы. В одном флаконе осталось на доньшке. Зеркало запотело сразу. Полотенце пахло порошком и ею.

Максим стоял под душем дольше, чем собирался. День уходил от кожи. Не исчезал. Просто переставал быть единственным слоем между ним и миром.

Когда он вышел, Анна сидела на полу у дивана и листала его рабочую презентацию на планшете. Он оставил планшет в сумке.

— Ты роешься в коммерческой тайне?

— Я изучаю врага.

— И как он тебе?

— Красивый, дорогой и немного несчастный.

— Это ты про машину или про меня?

Анна подняла глаза.

— Да.

Он впервые за день рассмеялся. Она улыбнулась с облегчением, словно ждала именно этого звука. Потом протянула ему старую футболку, которую он забыл у неё после прошлой встречи.

— Переодевайся. Я не могу кормить человека в рубашке, которая стоит как моя аренда за два месяца.

— Она не стоит как твоя аренда.

— Не разрушай мою классовую ненависть фактами.

Он переоделся в комнате, за ширмой. Эта ширма давала ему пространство. Ткань была тонкой, с выцветшими птицами. Через неё проходил свет лампы.

Максим снял рубашку, расстегнул ремень и вдруг понял, что Анна слышит каждое движение: металл пряжки, шорох ткани, его выдох. Он тоже слышал её: как она ставит тарелки, как задевает ложкой край кастрюли, как тихо ругается на хлеб.

Эта близость без взгляда оказалась интимнее многих прикосновений.

Когда он вышел, Анна посмотрела на него в его же футболке и смутилась.

— Что?

— Ничего.

— Анна.

— Просто ты стал похож на человека.

Он подошёл ближе.

— А до этого?

— На очень хорошо одетую проблему.

Она хотела уйти к кухне, но он поймал её за запястье. Не резко. Только остановил.

Анна посмотрела на его руку, потом на него. Шутливость ушла с лица, оставив его открытым. Максим запомнил эту секунду лучше, чем первый поцелуй. Именно в ней он впервые увидел в желании испуг перед приглашением.

— Я устал, — сказал он.

Не для жалости. Просто правда вышла наружу раньше, чем он успел её отредактировать.

Анна кивнула.

— Я вижу.

— Нет. Не видишь.

— Тогда покажи.

Это не было флиртом. Или было, но таким глубоким, что слово становилось мелким. Она не просила его раздеться, признаться, уступить, взять её. Она просила показать усталость, то место, которое он прятал тщательнее тела.

Он отпустил её запястье. Анна не ушла. Сама положила ладонь ему на грудь, поверх старой футболки. Сердце билось ровно, с привычной выдержкой. Её пальцы были тёплыми. Не идеально мягкими: на подушечке указательного шероховатость от карандаша, у большого пальца маленькая царапина.

Максим опустил глаза на эту царапину и почувствовал нежность до боли.

— Ты всё замечаешь, — сказала Анна.

— Профессиональное.

— Нет. Больное.

Он должен был отстраниться. Вместо этого накрыл её ладонь своей.

Первый поцелуй случился не сразу. Через несколько вдохов. Они стояли посреди комнаты рядом с остывающим ужином, старой ширмой и презентацией дорогого автомобиля на планшете. Между ними росла тишина, где уже нельзя было спрятаться за остроумие.

Анна подняла лицо первой, но не потянулась. Максим наклонился сам.

Он ждал лёгкости. Анна всегда казалась лёгкой.

Её губы ответили с внутренней остановкой, как у человека, разрешившего себе не знать, что будет дальше. Он почувствовал сбившееся дыхание у рта, пальцы на ткани футболки, маленькое движение плеча. Она приближалась постепенно, больше слушая себя.

Анна поцеловала его неровно. Чуть не попала в ритм, засмеялась ему в губы, смутилась, потом снова потянулась — тише, глубже. Смех ушёл в дыхание.

Максим тогда не думал о подлинности. Ему просто хотелось касаться её осторожно, чтобы не спугнуть то, что оказалось между ними без слов.

Анна провела ладонями по его плечам, остановилась на шее, словно впервые ощутила его уже мужским телом: тёп-

лым, усталым, отвечающим. От её прикосновения у него уходило напряжение из спины. Поднималось другое — медленное, тёмное, не требующее немедленного движения.

Желание с Анной не было вспышкой. Оно было как тяжесть внизу живота перед дождём: плотное, обещающее разрядку, но не торопящее.

Она первой отстранилась.

— Ужин остынет, — сказала она тихо.

— Уже остыл.

— Тогда можно не спешить.

После этого они действительно не спешили. Именно это потом Максим будет вспоминать как доказательство её жизни: Анна не пыталась сделать всё правильно. Она могла остановиться посреди поцелуя, чтобы снять кастрюлю с плиты. Могла вернуться и вспомнить, что не выключила воду. Могла прислониться лбом к его плечу и сказать, что у неё дрожат колени, хотя ничего ещё, по сути, не произошло.

В ней было столько сбивчивого, человеческого, непоследовательного, что он тогда почувствовал себя спасённым.

Они ели остывшие овощи из одной тарелки. Потом Анна поставила тарелку на пол, села рядом с ним на диван, поджав ноги, и положила голову ему на плечо так естественно, словно делала это много лет. Он провёл пальцами по её волосам, сначала едва касаясь, потом смелее, когда она закрыла глаза и подалась к его руке. Волосы пахли шампунем, краской и вечерней улицей.

— Ты сейчас опять думаешь? — спросила она.

— Нет.

— Врёшь.

— Да.

— О чём?

Он посмотрел на их отражение в тёмном окне: две фигуры на диване, очень близкие для людей, которые ещё утром могли сделать вид, что просто нравятся друг другу.

— О том, что мне спокойно, — сказал он.

Анна не ответила сразу. Потом взяла его руку, положила себе на живот поверх тонкой футболки и накрыла сверху своей ладонью.

— Тогда не двигайся, — сказала она. — Пусть побудет.

И он не двигался. Наверное, именно этот момент Вера просила найти. Не самый страстный. Не самый яркий. Просто женщина рядом. Её дыхание под его ладонью. Старый диван. Остывший ужин. Презентация на погасшем планшете. Покой, который не нужно заслуживать.

Позже, глубже в ночь, всё стало ближе. Не сразу. Не как сцена, которую заранее ведут к финалу. Анна сама потянулась к нему снова, но перед этим спросила, можно ли погасить лампу: ей «чересчур видно собственную храбрость».

Он тихо засмеялся, поднялся, выключил свет. Комната осталась в полумраке от уличного фонаря. Темнота смягчила черты. Лицо Анны стало серьёзнее, глаза темнее, жесты честнее.

Она стояла у дивана босиком, неловкая, смущённая, в своей серой футболке, внезапно более тонкой, чем любое вечернее платье. Максим подошёл, но не коснулся сразу. Они смотрели друг на друга так долго, что обычное желание успело стать чем-то большим и более хрупким.

Потом Анна взяла его руки и положила себе на талию.

— Так проще, — сказала она.

— Что проще?

— Не убегать.

Он притянул её к себе. В этот раз поцелуй был другим. Без смеха. Только дыхание, всё более сбивчивое, и её пальцы: сперва на груди, потом выше, к шее, потом в волосах. Максим чувствовал, как она меняется в его руках. Не играет роль. Не становится другой. Раскрывается изнутри, иногда пугаясь собственного отклика, иногда становясь смелее него.

Он целовал её медленно. В висок, в угол губ, в шею, туда, где пульс бился быстро и упрямо. Анна вздрагивала от некоторых прикосновений так неожиданно, что он каждый раз останавливался, а она шептала: «Нет, не из-за этого», — и тянула его обратно.

В её теле была не инструкция. Разговор. Иногда согласие было в руке на его плече. Иногда в коротком смешке. Иногда в том, как она закрывала глаза и прижималась лбом к его щеке.

Он не помнил, кто первым снял с него футболку. Помнил её пальцы у застёжки часов. Анна раздражённо выдохнула,

когда ремешок не поддался, потом рассмеялась себе под нос. Этот смех ударил сильнее любой отточенной соблазнительности. Она боролась с маленькой вещью не вовремя, в минуту, когда можно было быть красивой, плавной, уверенной.

А была живой. Немного злой на часы. Немного смущённой собственной неловкостью.

— Не смейся, — сказала она.

— Я не смеюсь.

— Врёшь.

— Да.

Она подняла глаза. В них смешались раздражение, желание и нежность. Максим наклонился и поцеловал её ладонь, всё ещё державшую его запястье.

Анна замолчала. Сразу. Без той паузы, которая потом будет пугать. Это молчание было другим: горячим, полным, до испуга открытым от того, что простое движение оказалось таким бережным.

— Вот так не надо, — сказала она тихо.

— Почему?

— Потому что после такого я становлюсь глупой.

— Мне нравится.

— Тебе пока нравится.

Он не спросил, что значит «пока». В ту ночь они ещё долго не торопились.

Близость с Анной была неровной, дышащей, без резкости и безупречности. Всё время что-то происходило не по пла-

ну: плед сползал на пол, она смеялась не вовремя, потом становилась совсем тихой; он задевал локтем край стола, она шептала что-то невнятное ему в плечо, потом просила подождать, хотя сама тянула ближе.

Их тела не знали друг друга заранее. В этом незнании было больше доверия, чем в уверенном совпадении.

Максим помнил не картинку наготы. Тепло кожи под ладонями. Сбитое дыхание у уха. Влажные волосы, прилипшие к щеке. И как Анна вдруг сказала его имя: растерянно, сама удивившись звуку.

Именно тогда он впервые подумал: настоящая. Не вслух. Как телесное облегчение.

Потом они лежали в темноте так близко, что не могли смотреть друг на друга полностью. Анна водила пальцем по его предплечью, рисуя непонятные линии.

— Что ты делаешь?

— Запоминаю.

— Рисуешь карту?

— Нет. Карты нужны, чтобы вернуться. А я пока не уйду.

Он не знал, что ответить. Анна приподнялась на локте. В полутьме её лицо было мягким, усталым, незнакомым после близости.

— Ты сейчас испугался? — спросила она.

— Нет.

— Врёшь.

— Да.

— Хорошо.

— Что хорошего?

Она легла обратно, уткнулась носом ему в плечо.

— Значит, не только я.

Он обнял её. И тогда точно было спокойно.

После первой близости ему не хотелось ни уезжать, ни включать телефон, ни говорить умные вещи, ни оценивать, как всё прошло. Он просто лежал рядом с ней в чужой квартире и слушал: за стеной кто-то двигал стул, в батарее булькала вода, Анна дышала неровно. Не подстраивалась под него. Не старалась звучать красиво даже во сне.

Неровное дыхание. Вот что он тогда любил. Не голос. Не кожу. Не смех. Неровность.

Максим открыл глаза. В кабинете было темно. Только экран ноутбука светился перед ним, и на экране Анна всё ещё стояла на мосту, смеясь в ветер.

Он не сразу понял, что у него дрожат руки. Не сильно. Достаточно, чтобы не попасть пальцем по нужной клавише с первого раза.

Он должен был записать всё для Веры. Не красиво. Точно.

Но чем точнее он вспоминал Анну, тем меньше понимал, как потом смог усомниться. Или наоборот. Тем яснее видел, почему усомнился именно в ней.

С Анной он впервые испытал облегчение сильнее страсти. Облегчение страшнее желания: его труднее потерять и труднее простить себе, если оно оказалось ошибкой.

Телефон снова вспыхнул.

Вера:

Вы ещё в офисе?

Максим посмотрел на время. Почти час ночи. Он ответил не сразу.

Максим:

Да.

Вера:

Не нужно всё вспоминать за одну ночь. Память не станет честнее от насилия.

Он усмехнулся. Даже в сообщении она говорила так, словно сидела напротив и видела его слишком хорошо.

Максим:

Вы всегда чувствуете, когда человек делает что-то неправильно?

Ответ пришёл не сразу.

Вера:

Нет. Иногда я просто знаю, что люди повторяют одну и ту же боль разными способами.

Максим прочитал несколько раз. В этом не было флирта. И всё равно между ними снова возникло что-то личное. Вера была где-то в старом доме у Чистых Прудов, возможно, с чашкой остывшего чая, с распущенными волосами, над папкой Анны. Он не знал, как выглядит Вера ночью, и это незнание стало опасным. С Анной он когда-то не боялся незнания. С Верой уже боялся. И всё равно тянулся.

Он закрыл ноутбук. Экран погас, Анна исчезла. В тёмном стекле окна остался только он: мужчина в пустом офисе посреди ночи, пытающийся восстановить женщину, которую потерял, чтобы понять, была ли она женщиной.

Телефон снова лёг в ладонь. Он хотел написать Вере: «Я вспомнил, что с ней было хорошо». Стер. Написал: «Мне кажется, я начал бояться именно потому, что мне стало спокойно». И это стер.

В конце отправил только:

Максим:

Я завтра пришлю запись.

Вера:

Хорошо. И уезжайте домой. Вам нужен отдых.

Он посмотрел на это «домой» и вдруг подумал, что у Веры, наверное, есть свой дом. Свои чашки, книги, утро, куда он не имеет права входить. Эта мысль должна была поставить границу. Вместо этого она сделала Веру живее.

Максим выключил свет в кабинете, взял пиджак и вышел.

В машине он почти назвал адрес Инги. Почти. Голосовая система ждала, мягко подсвечивая экран. Женский голос спросил, куда ехать. В вопросе не было ни терпения, ни нетерпения. Только идеально настроенная готовность принять любой маршрут.

Максим молчал. Потом назвал свой адрес. Домой. На этот раз — домой.

Но всю дорогу, пока город скользил за стеклом мокрыми

огнями, он думал об Анне, лежавшей рядом в полутьме и дышавшей неровно. Собственная квартира, Инга, Вера — всё отступило.

Так неровно, что тогда это казалось самым точным доказательством жизни. А теперь — самым жестоким.

Глава 4. Лера

Утром Максим отправил Вере запись.

Не голосовую. Голосом он бы не смог. В истории с Анной многое держалось на интонациях, и если бы он начал говорить вслух, то сам услышал бы себя раньше конца: взрослый мужчина в машине перед офисом, пониженным голосом рассказывающий о чужой руке на запястье, пятне вина на эскизе, смехе из-за часов, неровном дыхании в темноте.

Он написал текстом.

Долго. Удалял целые абзацы, возвращал, снова убирал всё красивое, потому что Вера просила точности. К концу понял: любое воспоминание, если держать его бережно, начинает притворяться литературой.

Он не хотел украшать Анну.

Память сама подсвечивала её: старая фотография, затёртая пальцами.

После отправки стало пусто.

Не легче.

Пусто.

Как если бы он отдал Вере маленький участок собственной кожи. Место ещё не болело, но уже знало, что заболит при касании.

Ответ пришёл через час.

Вера:

Я прочитала. Важное не в паузе. Важное в том, что до паузы Анна дала вам право быть несобранным. После этого любое её совпадение стало опасным.

Максим смотрел на сообщение у окна переговорной. Через десять минут должен был начаться закрытый созвон с европейским офисом. За стеклом сотрудники рассаживались, открывали ноутбуки, раскладывали бумаги. На большом экране уже висел слайд с новым слоганом клиентской программы: Мы чувствуем вас раньше, чем вы попросите.

Он перечитал фразу Веры.

Право быть несобранным.

Да.

Анна дала ему именно это.

И, возможно, он испугался её так рано не из-за странности. Она быстро подошла к месту, куда он почти никого не пускал. Не к постели. Постель сама по себе ничего не доказывала. Люди могут быть голыми и оставаться закрытыми внутри до последней пуговицы.

Анна вошла глубже.

Туда, где он устал держать форму.

Телефон снова дрогнул.

Вера:

Следующая — Лера. Не присылайте пока всё. Сначала ответьте себе: что именно она дала вам такого, чего после Анны вы уже не умели просить?

Максим медленно опустил руку.

Лера.

Имя вернулось не образом.

Температурой.

Если Анна в памяти была светом, бумагой, черешней, полутёмной комнатой и неловким смехом у застёжки часов, то Лера возвращалась иначе: красный неон на мокром стекле, дорогой алкоголь, разогретая кожа, низкий бас из колонок, пальцы на его затылке, смех прямо у уха, такой близкий, что он чувствовал его шейей.

С Лерой не было покоя.

С Лерой было другое.

Она дала ему возможность перестать думать.

И это, как он понял теперь, было следующим звеном.

Созвон начался без него.

Точнее, он вошёл в переговорную, сел во главе стола, включил камеру, ответил на приветствия, задал два вопроса по логистике, сделал пометку о сроках и резко остановил молодого менеджера с гладким объяснением провала поставок.

Но часть его уже стояла в другом месте.

В зале закрытой презентации, где он впервые увидел Леру.

Это было через два месяца после Анны.

Рано, если честно считать.

Люди редко возвращаются к жизни, когда готовы. Чаще — когда больше не могут лежать лицом к стене собственной версии событий. После Анны Максим сделал то, что умел

лучше всего: уплотнил график. Заполнил дни встречами, перелётами, совещаниями, тестовыми заездами, людьми с вечной потребностью в его решении, подписи, влиянии, согласии, давлении.

Работа не лечила.

Она давала форму.

А форма всегда казалась ему спасением.

Леру он встретил на закрытом запуске новой премиальной модели.

Не среди гостей.

Среди тех, кто создавал событие.

Большой павильон на территории бывшего завода перенесли в пространство из света, бетона, стекла и музыки. Машина стояла в центре под чёрным покрывалом. Вокруг двигались люди с планшетами, осветители проверяли лучи, технический директор спорил с режиссёром шоу. Журналисты ещё не приехали, но в воздухе стоял запах дорогого парфюма и гул кондиционеров.

Максим ненавидел репетиции таких запусков.

На них видно, как собирают восторг.

Лера стояла у сцены босиком.

Это он заметил первым.

Все были в наушниках, с бейджами, в чёрной одежде, с кофе в руках и лицами людей за сорок минут до катастрофы или триумфа. А она стояла на холодном сером полу и смотрела на автомобиль под покрывалом как на зверя, которого

нужно разбудить спокойно.

Широкие чёрные брюки. Тонкий красный топ под расстёгнутой мужской рубашкой. Волосы собраны высоко, несколько прядей выбились у шеи. Губы без помады, но яркие сами по себе, как после смеха или поцелуя.

Она говорила с группой танцовщиков негромко.

Все слушали.

Не из страха.

Её тело говорило раньше голоса.

Максим тогда ещё не знал, что она хореограф. Из тех, кто делает движение для рекламы, клипов, иммерсивных шоу, больших презентаций, где тело продаёт идею раньше слов. Она отвечала за пластическую часть запуска: люди вокруг машины должны были двигаться так, чтобы зритель почувствовал скорость, власть, желание, но не успел понять, что именно его зацепило.

Опять настройка.

Тогда он не подумал об этом.

Тогда он смотрел.

Лера подняла руку, останавливая музыку.

— Нет, — сказала она. — Вы идёте как на похороны дорогого холодильника. Это не вещь. Это соблазн. Разницу чувствуете?

Кто-то засмеялся.

Она не улыбнулась.

— Соблазн не нападает. Он манит человека подойти бли-

же. Ещё раз.

Музыка началась сначала.

Танцовщики двинулись вокруг закрытой машины. Через несколько секунд Лера снова остановила их. Подошла к одному из парней, встала за его спиной, положила ладони ему на рёбра и чуть повернула корпус. Движение было профессиональным, точным, но в нём была такая телесная власть, что Максим поймал себя на резкой внимательности.

Она касалась людей так, что у них менялась не только поза.

Менялось внутреннее решение.

— Вы Орлов? — спросила она, не оборачиваясь.

Максим не сразу понял, что вопрос к нему.

— Да.

Лера повернулась.

Её взгляд скользнул по нему без привычной оценки: костюм, часы, должность. И без взгляда снизу вверх, каким смотрят те, кто должность уже знает. Она посмотрела прямо, весело, словно решила не давать ему привычного материала.

— Тогда скажите своим людям, что свет справа убивает линию капота. И ещё эта дымовая машина делает из премиального электрокара баню в Подмосковье.

Режиссёр шоу побледнел.

Максим засмеялся.

Так началась Лера.

Не мягко. Не осторожно. Не через разговор о том, как он

устал быть собранным. Лера вошла в его жизнь как музыка, включённая громко после долгого молчания. Разрешения на присутствие не спрашивала. Пространство занимала так естественно, что оно начинало подчиняться её ритму.

Вечером после запуска они оказались рядом у служебного выхода.

Шоу прошло идеально. Журналисты аплодировали, партнёры улыбались, машина вышла из темноты в свет через кольцо движущихся тел. Максим получил поздравления, ответил на рукопожатия, дал три коротких интервью, выслушал восторги людей, чья работа — отличать восторг от качественно выполненной манипуляции.

Когда всё закончилось, он вышел на улицу за воздухом.

Лера сидела на бетонном бордюре, всё ещё босиком, с туфлями в одной руке и бутылкой воды в другой. На плечи набросила мужскую рубашку. Волосы распустились, лицо блестело от усталости. В ней не осталось сценического блеска; только жар, раздражение, довольство и чёрная полоска туши под левым глазом.

— Вы всегда работаете босиком? — спросил Максим.

— Только когда пол разговорчивее людей.

— И что он сказал сегодня?

— Что ваша машина хочет, чтобы её трогали, но бренд делает вид, что выше этого.

Максим сел рядом, хотя костюм для бордюра не подходил.

— Машины не хотят.

Лера посмотрела с жалостью.

— Бедный вы человек.

— Потому что не верю в желания машин?

— Потому что думаете: желание начинается там, где есть воля. Иногда оно начинается там, где есть форма.

Она сказала это легко, между делом, потом сделала глоток воды и запрокинула голову. Капля стекла по шее вниз, в тень под ключицей. Максим увидел это слишком ясно.

И впервые после Анны в теле появилось желание, не похожее на просьбу о спасении.

Скорее на удар.

Лера заметила.

Он понял это сразу: она не отвела глаз и не сделала вид, что ничего не произошло. Чуть улыбнулась, без победы и кокетства, как человек, услышавший знакомый ритм.

— Не смотрите так серьёзно, — сказала она.

— Как?

— Уже ищите, где у желания техническая ошибка.

Тогда это показалось дерзкой случайностью.

Теперь, сидя в переговорной под голос европейского директора, Максим почувствовал: она рано попала в слово «ошибка». Рано назвала то, чего он после Анны ещё не приносил.

Но живой человек мог угадать.

Конечно, мог.

Особенно такая женщина, как Лера.

Вечером Орлов пришёл к Вере. Кабинет был погружён в полумрак.

Свет шёл только от торшера у книжной полки, и комната казалась глубже, тише. На столе лежала новая тонкая папка. Пока без подписи. Вера сидела с планшетом, но подняла глаза сразу, как он вошёл.

— Лера? — спросила она.

— Вы не любите предисловий.

— Вы сегодня весь день в предисловии. Я вижу.

Максим снял пальто и повесил на спинку кресла.

— Вы часто это говорите.

— Что именно?

— Что видите.

Вера не улыбнулась.

— Тогда попробуйте однажды спрятаться лучше.

Он сел напротив.

Внутри было напряжение другого рода, не как с Анной. Об Анне говорить было больно из-за нежности. О Лере — он заранее знал это — в комнате станет жарче. Даже в пересказе её история несла тело, движение, и присутствие Веры напротив делало это неприлично острым.

— Что вам прислать? — спросил он.

— Пока ничего. Сначала расскажите, что в ней было другим.

— Всё.

— Это не ответ.

— С Лерой — ответ.

Вера положила планшет экраном вниз.

— Анна дала вам покой. Что дала Лера?

Максим посмотрел на свои руки.

Вспомнил её пальцы на бутылке воды. Ступни на бетонном полу. Чёрную полоску туши под глазом. Смех у его уха позже, уже в другой ночи. Лера входила в чужое тело ритмом, раньше всякой ласки. Она не соблазняла в прямом смысле. Настраиwała воздух вокруг так, что сопротивление становилось лишним.

— Отключение, — сказал он.

Вера ждала.

— С Анной мне впервые стало спокойно. С Лерой я впервые после Анны перестал думать.

— Это разные формы доверия.

— Или разные формы потери контроля.

— Для вас это одно и то же?

Он усмехнулся.

— Вы хотите, чтобы я сказал да?

— Я хочу, чтобы вы заметили, как быстро ответили вопросом.

Он едва не разозлился.

С Верой это случалось всё чаще. Злость вспыхивала не из-за грубости. Она точно касалась места, ещё не названного им. Не давила. Просто ставила вопрос туда, где у него не хватало смелости разбираться.

— Лера была хореографом, — сказал он. — Мы познакомились на запуске новой модели. Она отвечала за движение в шоу.

— Движение вокруг машины?

— Вокруг желания купить машину.

Вера слегка склонила голову.

— Хорошая формулировка.

— Её. Не моя.

— Тогда она понимала механизмы воздействия.

— Да.

— И это вас не насторожило?

— Наоборот. Это было честно. Она не притворялась, что не манипулирует. Говорила об этом открыто. Может быть, поэтому я не защищался.

Вера взяла ручку.

— Расскажите первую сцену, где почувствовали желание.

Максим поднял глаза.

— Вы спрашиваете это чересчур спокойно.

— А вы хотели бы, чтобы я смущалась?

Вопрос оказался опаснее, чем должен был быть.

Он представил Веру смущённой и сразу понял, что эта мысль лишняя для кабинета, где на столе лежали фотографии его бывших женщин. Но именно потому, что Вера не смущалась, он чувствовал в её присутствии другое напряжение: она оставляла место его телу и не позволяла использовать это место как укрытие.

— Нет, — сказал он. — Не хотел бы.

— Тогда рассказывайте.

Первое настоящее желание к Лере случилось не у служебного выхода.

Там был только удар. Искра, её можно было бы загасить, если бы они не встретились снова. Но через три дня Леру пригласили в офис на разбор проекта: руководство решило использовать её идеи в будущих презентациях. Она пришла в белой рубашке, узких чёрных брюках и красных туфлях. Уже не босиком, но всё равно с видом женщины, которой любая поверхность принадлежит, пока она на неё ступает.

В переговорной было восемь человек.

Лера опоздала на семь минут.

Извинилась только взглядом, села напротив Максима и открыла ноутбук. В отличие от многих приглашённых креативщиков, она не продавала себя восторгом. Говорила сухо, точно, иногда резко. Показывала схемы движения, тепловые карты внимания зрителей, объясняла, где тело зрителя успеет захотеть объект раньше, чем мозг назовёт это желанием.

— Вы пытаетесь через визуал заставить человека захотеть и сделать выбор, — сказала она маркетинговому директору. — Но это так не работает. Нужно управлять дыханием.

Максим посмотрел на неё.

Лера заметила.

И тем же тоном добавила:

— Если человек задержал дыхание, он уже согласился

приблизиться.

В комнате кто-то неловко кашлянул.

Она продолжила презентацию.

Максим с тех пор помнил не графики.

Эту фразу.

И то, что в момент слова «дыхание» её взгляд на долю секунды коснулся его губ.

После встречи он остался в переговорной один и собирал бумаги медленнее, чем нужно.

Лера вернулась за зарядным устройством.

— Вы всё время думаете, что контролируете комнату, — сказала она от двери.

— А вы делаете вид, что вам не важно, кто её контролирует.

— Мне правда не важно.

— Почему?

Она подошла к столу, наклонилась за проводом. Ткань рубашки чуть натянулась на спине. Движение было простым, бытовым, но Максим почувствовал его телом: между ними прошла невидимая линия напряжения.

— Потому что контроль — скучная форма страха, — сказала она, выпрямляясь.

— А вы предпочитаете интересные?

— Я предпочитаю честные.

Она стояла близко.

Для разговора это ещё годилось.

Для безопасности — уже нет.

— И что честнее контроля? — спросил он.

Лера посмотрела прямо.

— Реакция.

Она не коснулась его.

Даже не сделала движения.

Но Максим почувствовал, как тело отреагировало раньше решения. Тепло поднялось от груди к горлу, пальцы сильнее сжали папку, дыхание стало заметным. И самое унижительное — Лера это увидела.

Не отвела взгляд.

Не смягчила.

Просто улыбнулась, без извинения за чужую правду.

— Вот, — сказала она тихо. — Это честнее.

Вера записала что-то в блокнот.

— Вас это разозлило?

— Да.

— И возбудило?

Максим выдержал паузу.

— Да.

Вера не изменилась в лице.

От этого признание стало проще и опаснее.

— Почему? — спросила она.

— Анна видела мою усталость. Лера видела моё тело. Без разрешения.

— Вы хотели, чтобы она спросила разрешения?

— Нет.

— Тогда что вас испугало?

Он посмотрел на Веру с раздражённой усмешкой.

— Вы правда хотите, чтобы я сказал это вслух?

— Да.

— Мне понравилось отсутствие разрешения.

Вера не сразу записала.

Это короткое человеческое молчание стало плотным. В комнате теперь была не только Лера из прошлого. Была Вера из настоящего: она слышала, как он признаётся в желании без доверия к нему.

— Отсутствие разрешения и нарушение границы — разные вещи, — сказала она наконец. — Лера ничего не сделала с вашим телом. Она заметила то, что уже произошло.

— Вы её защищаете?

— Я защищаю точность.

Он отвернулся.

Вера вернула его вопросом:

— Когда между вами случилась близость?

С Лерой это было быстрее, чем с Анной.

И гораздо менее невинно.

После второй рабочей встречи она прислала ему сообщение поздно вечером:

Вы так внимательно слушаете про дыхание, что мне хочется проверить теорию на практике.

Он смотрел на экран долго. Система в машине дважды

предложила построить маршрут домой.

Максим ответил:

Практика требует условий.

Лера:

Не всегда. Иногда достаточно честного помещения и человека без лжи в теле.

Он:

Вы знаете такое помещение?

Она прислала адрес.

Студия на верхнем этаже старого здания в районе бывших промышленных складов: большое пространство с деревянным полом, зеркальной стеной, колонками, матовыми окнами во всю высоту и запахом пыли, разогретого дерева, ткани и чужого движения.

Максим приехал около десяти. Внизу, у входа, пахло мокрым кирпичом и железом. Наверх вёл грузовой лифт. Он дрожал на каждом этаже вместе с его сомнениями.

Лера открыла босиком.

Снова босиком.

На ней были свободные тёмные брюки и тонкая майка цвета спелой вишни. Волосы убраны небрежно, маленькие серьги в ушах, красная нитка на запястье. В студии играла музыка: низкая, медленная, почти без мелодии, похожая на пульс помещения.

— Вы всех деловых партнёров приглашаете сюда после десяти? — спросил он.

— Только тех, кто долго делает вид, что пришёл не за этим.

— За чем?

Лера отошла от двери, оставляя ему место войти.

— За тем, чтобы перестать быть деловым партнёром.

Он должен был уйти.

Потом именно так и думал: должен был. Не из-за опасности Леры, не из-за рабочих связей и контракта. Он должен был уйти, потому что уже тогда чувствовал: эта женщина не станет требовать объяснений. А с ней легко потерять не только контроль, но и желание его вернуть.

Он вошёл.

Дверь закрылась мягко.

Лера не подошла сразу. Включила музыку громче, встала посреди зала и посмотрела на него через зеркало. Он видел её спину, но взгляд встречался с его взглядом в отражении. Пространство удвоилось. Желание тоже.

— Снимите пиджак, — сказала она.

— Это часть теории?

— Это часть честности. Нельзя слышать тело в броне.

Максим снял пиджак, положил на скамью у стены.

— Галстук тоже.

Он усмехнулся.

— Вы всегда командуете?

— Только когда человек давно хочет подчиниться, но стесняется.

Это било в упор.

Он почувствовал раздражение, злость уже поднималась, но рука тянулась к узлу галстука. Лера смотрела через зеркало. В её взгляде не было торжества.

Она не выигрывала.

Она вела.

Разница ощущалась телом.

Когда галстук лёг рядом с пиджаком, она подошла.

Медленно.

Не соблазнительно даже. Точно. Как человек, знающий, что каждое приближение меняет давление воздуха. Максим стоял неподвижно и слышал собственное дыхание сквозь музыку.

Лера остановилась на расстоянии вытянутой руки.

— Вот теперь можно говорить.

— Мы собирались говорить?

— Нет.

Она положила ладонь ему на грудь.

Он почувствовал желание даже через ткань рубашки. Движение было лёгким, профессиональным, как у хореографа, проверяющего центр тяжести. И всё же внутри потемнело. Не от неожиданности. От точности. Она коснулась места, где напряжение держалось весь день.

— Вдох, — сказала она.

Он не сделал.

Лера подняла глаза.

— Вы боитесь выполнить простую просьбу?

— Я боюсь, что простые просьбы у вас редко простые.

— Тогда тем более вдох.

Он вдохнул.

Её ладонь поднялась вместе с его грудью.

— Выдох.

Он выдохнул.

Лера не убрала руку.

— Видите? Ничего страшного.

— Вы уверены?

— Нет. Но вы ещё здесь.

Она обошла его, оставаясь близко, но не касаясь больше ничем, кроме ладони. Ладонь скользнула от груди к плечу, потом к лопатке, направляя корпус. Максим чувствовал себя нелепо: взрослый мужчина, руководитель, привыкший к тому, что вокруг него двигаются другие, стоит посреди студии и позволяет женщине поставить его тело иначе.

И всё же унижения не было.

Было освобождение от необходимости решать.

— Расслабьте шею, — сказала Лера.

— Она расслаблена.

— Нет. Вы держите там половину совета директоров.

Он невольно рассмеялся.

Смех сорвал что-то внутри. Лера тоже улыбнулась. Но тут же её пальцы коснулись его затылка, мягко, едва ощутимо, и смех исчез. От этого прикосновения всё стало тише. Му-

зыка, город, мысли. Он чувствовал только её руку, тёплую, уверенную, живую, и странную покорность тела, поверившего ей раньше разума.

— Вот, — сказала она. — Уже лучше.

— Что лучше?

— Вы перестали спорить со своим телом.

Максим открыл глаза.

Он не помнил, когда закрыл их.

Лера стояла перед ним совсем близко. Между ними оставался один вдох. Лицо у неё было живым, подвижным; уголок губ дрогнул, как перед резкой фразой, но она передумала.

— Сейчас вы думаете, можно ли меня поцеловать, — сказала она.

Максим едва не отступил.

— А можно?

— Не знаю.

Это сбило его.

Не согласие. Не отказ. Не игра.

Не знаю.

Лера действительно остановилась на границе вместе с ним, и эта неопределённость оказалась сильнее уверенности. Желание из искры стало жаром, медленным, глубоким. Он поднял руку, но не коснулся сразу. Задержался у её лица, оставляя возможность уйти.

Лера не ушла.

Сама повернула щеку к его ладони.

Кожа была горячей после движения. На виске бился пульс, быстрый и неровный. Максим почувствовал его и на секунду успокоился так резко, словно нашёл доказательство, хотя ещё не понимал, от чего защищается.

Потом он поцеловал её.

С Лерой поцелуй не начинался осторожно.

Она ответила сразу, но не растворилась в нём. Вошла в поцелуй встречным движением, спором. И этот спор мгновенно стал их общим языком. Её пальцы легли ему на шею, потом в волосы, сжали чуть сильнее, чем принято в начале. Максим понял, что впервые за долгое время не хочет угадывать чувство женщины.

Он просто чувствовал её ответ.

В комнате пахло деревом, пылью и её кожей.

Музыка пульсировала у пола.

Лера отстранилась первой. Дыхание сбилось. Это ударило по нему почти так же, как когда-то неровный сон Анны. Только с Анной неровность успокаивала. С Лерой поджигала.

— Вы всё ещё много думаете, — сказала она.

— А вы много замечаете.

— Это не недостаток.

— Для кого как.

Она улыбнулась. В улыбке было опасное веселье.

— Тогда будем исправлять.

Дальше всё разворачивалось не как падение.

Скорее как танец, хотя танца почти не было. Лера вела его движением, остановками, маленькими касаниями, то отступая, то возвращаясь так близко, что ткань её майки задевала его рубашку. Она не спешила к очевидному. Тянула время. Знала: желание становится сильнее, когда ему не сразу дают форму.

Её ладони скользили по его плечам, снимали напряжение слой за слоем. Его руки нашли её талию, и она на мгновение замерла: прикосновение попало глубже, чем она ожидала. Потом тихо выдохнула и сказала:

— Да.

Одно слово.

Без красоты.

Без расчёта.

Он поверил не сразу. Сначала только перестал ждать подвоха.

Он притянул её ближе. Её тело ответило сразу: горячо, живо, нетерпеливо. Лера не была мягкой в привычном смысле; нежность приходила через смелость, через то, как она сама поднимала лицо к его губам, направляла его руку туда, где хотела чувствовать сильнее, смеялась, когда он осторожничал, и шептала:

— Не береги меня.

В ней было много воли.

Именно это лишало его собственной.

Они оказались у зеркальной стены.

Максим увидел их отражение боковым зрением: его белая рубашка, её тёмная фигура, его ладонь на её спине, её голова, на секунду запрокинутая назад. Он закрыл бы глаза, если бы Лера не заметила.

— Смотри, — сказала она.

— Зачем?

— Чтобы не придумать потом другую версию.

Тогда он услышал в этом только дерзость.

Теперь, рассказывая Вере, понял, как странно звучала фраза.

Чтобы не придумать потом другую версию.

Лера как будто уже знала, что он будет придумывать.

— Вы остановились, — сказала Вера.

Максим вернулся в кабинет.

— Да.

— На какой фразе?

— Она сказала: «Смотри, чтобы не придумать потом другую версию».

Вера записала медленно.

— Тогда это насторожило?

— Нет. Тогда меня мало что могло насторожить.

— Потому что вы перестали думать.

— Потому что хотел перестать думать.

— Разница есть?

Он посмотрел на неё.

— Огромная.

Вера кивнула.

— Продолжайте.

Он продолжил не сразу.

Некоторые воспоминания не подчинялись словам. Их можно было передать только температурой: жар кожи через тонкую ткань, прохлада зеркала за её спиной, вкус воды и мятной жвачки на губах, смех, тише с каждым новым движением между ними. Лера не прятала желание. Но и спектакля не устраивала. Она знала: тело красиво в ответе без запоздания.

Вот главное.

Без запоздания.

Тогда это казалось страстью.

Потом стало первым настоящим страхом.

— В ней всё было вовремя, — сказал Максим.

Вера подняла глаза.

— Что значит «всё»?

— Движение. Вздох. Соппротивление. Согласие. Смех. Даже неловкость. Она была не идеальной. В ней было много резкого, живого, иногда неудобного. Но каждый раз, когда я...

Он замолчал.

Вера не помогла.

— Когда вы что? — спросила она через несколько секунд.

— Когда я менялся. Она менялась вместе со мной. Черес-

чур быстро.

— В близости это не обязательно странно.

— Я знаю.

— Хорошие любовники считывают друг друга телом.

— Я знаю.

— Тогда что отличало Леру?

Максим провёл ладонью по лицу.

Вот оно.

То, что он не мог сформулировать даже для себя.

— Она не просто отвечала. Она опережала, — сказал он.

— На долю секунды. Так мало, что не предъявишь. Но достаточно, чтобы однажды почувствовать: она приходит туда раньше меня.

Вера молчала.

— С Анной была пауза, — продолжил Максим тише. —

С Лерой наоборот. Не задержка. Предвосхищение.

Он сам услышал повторяющийся рисунок только теперь.

И, кажется, Вера услышала его вместе с ним.

В кабинете стало тихо.

Пауза.

Предвосхищение.

Две разные женщины. Две разные телесности. Одна дала ему покой и на мгновение выпала из фразы. Другая дала отключение и приходила к его реакции раньше него самого. Ничего невозможного. Всё можно объяснить внимательно, опытом, темпераментом, его тревогой, памятью после

Анны, начавшей искать закономерность.

Но рисунок всё равно появился.

Не доказательство.

Ритм.

От этого стало хуже.

— Что было после первой ночи? — спросила Вера.

Максим усмехнулся.

— Это была не ночь.

— А что?

— Несколько часов в студии. Потом мы вышли на улицу, и в некоторых окнах ещё горел свет. Я отвёз её домой. Она не пригласила подняться. Сказала, что второе место за одну ночь испортит географию.

— Географию?

— Лера любила такие фразы.

— Вам нравилось?

— Да.

— Почему?

— Потому что они были лишними. Не функциональными.

Вера посмотрела мягче.

— Вы снова ищете бесполезность как доказательство жизни.

— Да.

— И нашли её в Лере?

— Сначала — да.

Он вспомнил, как они сидели в машине у её подъезда. Ночной воздух был влажным, на лобовом стекле оседал мелкий дождь. Лера не торопилась выходить. Сняла красную нитку с запястья и завязала ему на рычаге переключения передач.

— Зачем?

— Чтобы ваша машина знала, что сегодня её победило тело.

— Моя машина переживёт.

— А вы?

Он посмотрел на неё.

Лера улыбалась, но глаза оставались серьёзными.

— Не знаю, — сказал он честно.

Она наклонилась и поцеловала его уже иначе: тихо, почти нежно, без студийной жадности. Потом вышла из машины, не оглянувшись. Эта резкая самостоятельность была такой живой, что Максим ещё минут пять сидел у подъезда, не заводя двигатель.

Красная нитка оставалась у рычага около месяца.

Потом он снял её в день, когда впервые испугался Леры.

— Когда это случилось? — спросила Вера.

Максим поднял глаза.

Он не помнил, произнёс ли последнюю мысль вслух.

Судя по Вере — произнёс.

— Через несколько недель.

— В близости?

— После.

Это было в его квартире.

Лера пришла поздно, после репетиции, усталая, злая, с волосами, собранными в тугой узел. С порога сказала, что ненавидит людей, называющих отсутствие пластики современной минималистичностью, и потребовала душ, еду и десять минут без вопросов.

Максим дал ей все три вещи.

Душ шумел долго. Потом Лера вышла в его халате, с мокрыми волосами и лицом без привычного огня: усталость вынула его начисто.

Он подумал: вот она настоящая.

Не в студии. Не у зеркала. Не в красном свете после запуска.

Здесь: босая на его кухне, с мокрыми волосами, в большом халате, с раздражением без украшения.

Они ели у стола бутерброды, приготовленные Максимом на скорую руку.

Она рассказывала о репетиции. Потом замолчала и прислонилась лбом к его плечу.

— Можно я сегодня не буду сильной? — спросила она.

Вопрос был такой простой, что он обнял её сразу.

Не как женщину, которую хочет, хотя хотел. Как человека, наконец снявшего собственный вес. Лера стояла в его руках тихо, непривычно тихо. От этой тишины поднялась нежность, болезненная после всех их резких игр.

Потом нежность стала желанием.

Желание в тот вечер было другим. Не студийным, не соревнующимся. Медленнее. Глубже. Лера не вела его явно, не смеялась, не поправляла дыхание. Она позволяла себе быть утомлённой, восприимчивой, иногда беззащитной. Это действовало сильнее любой смелости.

Максим касался её так, словно впервые увидел за хореографом и женщиной-огнём тело, которому тоже нужно, чтобы его держали.

Он помнил мокрые волосы на ладони.

Помнил, как халат сполз с одного плеча и она не поправила.

Помнил, как она закрыла глаза, когда он поцеловал это плечо, и сказала очень тихо:

— Вот так.

Ни команды.

Ни игры.

Просьба.

И он поверил ей ещё раз.

Позже они лежали в спальне, где горел только слабый свет из коридора. Лера была рядом, спиной к нему, его рука лежала у неё на талии, дыхание постепенно выравнивалось. Он уже засыпал, когда она заговорила.

— Ты сегодня был другим.

— Каким?

— Не ждал от меня фокуса.

— А обычно жду?

— Обычно ты ждёшь, что я буду чересчур Лерой.

Он улыбнулся в темноте.

— Сложно не ждать.

— А сегодня ты как будто хотел, чтобы я устала.

Фраза была неприятной.

В ней была правда, но не вся. Он не хотел её усталости как слабости. Он хотел её неуправляемости. Хотел видеть, что Лера может быть не точной, не сильной, не собранной вокруг чужого желания. Просто женщиной после тяжёлого дня, с холодом у мокрых волос.

— Может быть, — сказал он.

Лера повернулась к нему.

В полумраке видна была только линия лица, блеск глаз, влажная прядь у щеки.

— Ты всё время ищешь, где человек перестанет быть образом, — сказала она.

Он открыл глаза.

— Что?

— Ты всё время ищешь, где человек перестанет быть образом.

— Почему ты так решила?

Она помолчала.

И вот здесь — вот здесь — что-то произошло.

Не сбой.

Не пауза.

Скорее наоборот.

Ответ пришёл вовремя.

Через такую паузу, после которой честная фраза должна прозвучать естественно. Пауза выверенная: достаточно длинная для мысли, достаточно короткая, чтобы не стать уходом.

— Потому что ты смотришь на меня так, словно боишься, что я совпаду с твоим желанием, — сказала Лера.

Максим замер.

Не телом.

Внутри.

Она сказала это точно.

Болезненно точно.

И эта точность вернула не Анну.

Она вернула закономерность: женщина рядом снова назвала то, что он не успел признать. Снова пришла в центр его страха раньше, чем он поставил туда защиту.

— Что? — спросила Лера.

— Ничего.

— Врёшь.

Её ладонь коснулась его щеки.

Мягко.

Слишком мягко после такой фразы.

— Максим.

Он слышал её дыхание. Оно было неровным. Настоящим, как ему отчаянно хотелось думать. Но под этой неровностью

уже появился другой ритм: предвосхищение. Лера смотрела так, как смотрят на место будущего слома, и ждала не из жестокости.

Готова подхватить.

Готова.

Чересчур готова.

Он отстранился.

— Я устал.

Лера долго смотрела.

На этот раз боль в её лице была злой.

— Нет, — сказала она. — Ты испугался.

Он сел на край кровати.

— Не начинай.

— А ты не заканчивай всё там, где становится настоящим.

Эта фраза могла быть живой.

Должна была быть живой.

В ней были обида, ум, усталость, близость, ещё не успевшая остыть. Но Максим уже не мог слышать её только как женщину. Он слышал попадание.

Точное.

Уместное.

Похожее на ответ системы, обученной удерживать человека в контакте.

Вера медленно отложила ручку.

Только тогда Максим понял, что рассказал больше, чем собирался.

— Вы увидели паттерн, — сказала она.

— Да.

— Какой?

Он посмотрел на стол. В прошлый раз там лежали фотографии. Теперь место было пустым. Лера пока существовала только в его словах, и от этого казалась опаснее Анны: её нельзя было прикрыть снимком, бумажным лицом, датой, архивом.

— Они разные, — сказал он. — Очень разные. Анна оставалась там, где я только начинал верить. Лера приходила раньше, чем я успевал захотеть. Но обе...

— Что обе?

— Обе оказались рядом с моей слабой частью. Каждый раз с той, что болела именно тогда.

Вера молчала.

— После Анны я боялся снова успокоиться, — продолжил он. — Лера не предлагала покоя. Она предложила тело. Движение. Отключение. То, что не требовало доверять словам. Только реакции. И я поверил этому. А потом понял: реакции тоже можно считать.

Он услышал собственную фразу и почувствовал холод.

Реакции тоже можно считать.

Вот оно.

Связь Анны и Леры теперь стояла перед ним как невозможное подозрение. Не кожа, не речь, не профессия, не обстоятельства. Точность попадания в его нехватку.

Анна — в усталость быть собранным.

Лера — в усталость думать.

Обе могли быть просто живыми женщинами, внимательными, разными, притянувшимися к его пустотам без всякого замысла.

Или кто-то знал эти пустоты раньше них.

— Максим, — сказала Вера.

Он поднял глаза.

— Да?

— Сейчас вы сделали скачок.

— Какой?

— От повторяющегося эмоционального опыта к предположению о внешнем замысле. Это важно разделить.

— Вы считаете, я опять ухожу в бред?

— Я считаю, что вы нашли паттерн. Но паттерн ещё не доказывает систему.

Он едва не рассмеялся.

— А что доказывает систему?

— Факты.

— И где их взять, если всё, что у меня есть, — воспоминания и ощущения?

После этих слов между ними остался только стол и два стакана воды.

Вера не отвела взгляда.

— Тогда придётся проверить всё, что в воспоминаниях можно проверить. Было ли именно так, как вы помните.

В комнате стало теснее.

Не физически. Между ними по-прежнему стоял стол, папка Анны, пустое место для будущей папки Леры, два стакана воды. Но после слов о воспоминаниях воздух изменился. Максим вдруг очень отчётливо увидел Верины руки.

Не как улику.

Не как деталь.

Как возможность прикосновения. Он уже боялся его, хотя оно ещё не случилось.

Она заметила.

Конечно, заметила.

Но ничего не сказала.

Это молчание было милосердием.

— Пришлите мне материалы по Лере завтра, — произнесла Вера наконец. — Переписки, даты, адрес студии, контакты, всё, что осталось от проекта. И отдельно — сцену после душа. Не студию.

— Почему не студию?

— В студии она была в своей среде. После душа — нет. Или вы хотели так думать. Нам нужно понять, где именно вы начали ей верить второй раз.

Максим устало усмехнулся.

— Вы раскладываете мои отношения лучше, чем я руководителей по компетенциям.

— Люди часто делают с любовью то, что умеют делать на работе. Вы проверяете качество сборки. Я ищу место, где

история начинает врать.

— А если история не врёт?

Вера посмотрела мягче.

— Тогда, возможно, врёте вы. Не мне. Себе.

Он должен был разозлиться.

Не разозлился.

Рядом с этой женщиной злость всё чаще не успевала стать бронёй. Возникала, вспыхивала и сразу оказывалась увиденной. А увиденная защита быстро теряла форму.

У двери он остановился сам.

— Вера.

Она подняла глаза от папки.

— Да?

— Вы спросили, что Лера дала мне после Анны.

— Да.

— А вы?

Вопрос вырвался не совсем случайно. Он давно стоял у края, но Максим не собирался произносить его сегодня.

Вера не изменилась в лице.

Только пальцы на папке стали неподвижнее.

— Что я? — спросила она.

— Что даёте мне вы?

Пауза вышла короткой.

Не гладкой.

Или он уже разучился отличать одно от другого.

Он уже не знал.

— Пока, — сказала Вера, — возможность не быть единственным человеком в комнате со своим страхом.

Он молчал.

Ответ был правильным.

Чересчур правильным.

И всё же от него стало легче.

Максим вышел в коридор старого дома и спустился по лестнице, чувствуя под ладонью шершавые перила. Впервые подумал не о том, что Вера может оказаться опасной.

А о том, что опасность, возможно, уже началась именно потому, что рядом с ней становилось легче.

На улице пахло мокрым камнем и бензином.

Он сел в машину, но не завёл двигатель.

В темноте салона экран мягко ожил, и женский голос спросил, куда ехать. Максим посмотрел на собственное отражение в стекле. За ним, на втором этаже, горело Верино окно.

Он достал телефон, открыл папку с Лерой и увидел первое фото: она у служебного выхода после запуска, босиком, с туфлями в руке, смеётся так, как смеются люди, не боящиеся потерять равновесие.

Максим провёл пальцем по экрану.

Следующее фото.

Студия. Зеркало. Красная нитка у неё на запястье.

Следующее.

Лера на его кухне, с мокрыми волосами, в его халате,

смотрит в камеру с усталой насмешкой.

Он не помнил, что фотографировал тогда.

Не помнил, когда поднял телефон.

Не помнил, почему она позволила.

На снимке её рука была чуть размыта, как от движения к нему или от него.

Максим увеличил изображение.

И вдруг увидел на её лице выражение, раньше не замеченное.

Не страсть.

Не усталость.

Не нежность.

Ожидание.

Тонкое, едва заметное. Его можно было принять за случайный миг между двумя эмоциями.

Или за место, где женщина ещё не знает, что почувствует дальше.

Он закрыл фото.

Но изображение осталось внутри.

Анна — пауза.

Лера — предвосхищение.

Две разные трещины в одной поверхности.

Максим завёл двигатель и выехал со двора, не включая голосовой маршрут.

Сегодня он хотел ехать без подсказок.

Хотя уже понимал: это ничего не меняет, если маршрут

давно построен кем-то другим.

Глава 5. Красная нить

Вера попросила сцену после душа.

Не студию. Не зеркало. Не первую ночь, где Лера стояла босиком в вишнёвой майке, держала ладонь у него на груди и командовала его вдохом.

Вера выбрала другой кусок.

Кухню. Мокрые волосы. Его халат. Хлеб на столе. Леру без сцены под ногами.

Максим сначала не понял, почему именно это важно. Потом понял и разозлился.

Вера снова искала не событие. Она искала место, где он поверил.

С Анной это место было на кухне: её рука над пятном вина и фраза «Не спасай всё». С Лерой Вера отбросила студию, зеркало, красный топ и её умение держать чужое дыхание в ладони. Всё это громко говорило о Лере. Там она была в силе.

Вере нужна была Лера без силы.

Максим открыл папку L. около полуночи.

Дома.

За последние дни он отвык от квартиры. Она ждала его аккуратная, прохладная, с тем дорогим порядком, от которого в плохие вечера становилось тошно. На кухне не было чашек. На спинке кресла не висела одежда. В прихожей ров-

но стояли туфли.

Он не включил верхний свет. Только лампу у кресла.

Лера однажды назвала эту лампу «слишком воспитанной для мужчины, который так любит скорость». Тогда она сидела на полу у дивана, в его белой рубашке, с красной ниткой на запястье. Волосы падали на лицо. Она пыталась сдуть прядь с губ, потому что в одной руке держала бокал, а другой водила по ковру какие-то линии.

— У тебя всё послушное, — сказала она.

— Даже лампа?

— Особенно лампа. Светит, как после корпоративного тренинга.

Он тогда рассмеялся. Она улыбнулась собственному попаданию.

Теперь эта лампа светила на ноутбук, на край стола и на его пальцы. Пальцы выглядели чужими: сухими, собранными, с короткими ногтями. Хорошие руки для подписи документов. Плохие руки для ночных воспоминаний.

На экране открылись фотографии.

Лера не любила сниматься. Не так, как женщины, давно привыкшие к камере. С чужими телами она работала безошибочно: видела линию плеча, сгиб колена, поворот головы, секунду, когда человек делается убедительным для зрителя. Перед объективом сама то смеялась слишком широко, то отворачивалась, то вдруг становилась злой. Камера хотела взять у неё что-то лишнее, и Лера это чувствовала.

Первый снимок: служебный выход после запуска. Лера босиком, туфли в руке, голова запрокинута, глаза закрыты. Лицо мокрое от усталости.

Второй: студия. Зеркальная стена. Её отражение пересекается с его отражением.

Третий: красная нитка на рычаге переключения передач. Максим задержался на ней.

Он не выбросил её сразу после расставания. Около месяца она лежала в ящике письменного стола, тонкая, нелепая, совсем не подходящая к коже, металлу, выверенному интерьеру машины. Иногда он открывал ящик за документами и видел её боковым зрением. Память о том, что его порядок однажды победили босые ноги и чужой смех.

Лера вошла именно так. Без просьбы. И без того, чтобы сразу пожалеть.

Он закрыл фотографию и открыл переписку.

У Леры сообщения были короткие. Она редко объясняла. Одно слово у неё иногда работало сильнее абзаца.

Лера:

Дышишь?

Это было после первой студии.

Он вернулся домой под утро, бросил пиджак на кресло, увидел себя в зеркале прихожей и не сразу узнал. С виду всё оставалось прежним: дорогая рубашка, усталое лицо, собранность, уже вернувшаяся на место. Но под этим ещё шла музыка из студии. Тело помнило её ладонь на груди.

Максим:

Проверяю.

Лера:

Опять контроль качества?

Максим:

Профессиональная деформация.

Лера:

Нет. Страх. Но звучит дороже.

Тогда он улыбнулся. Теперь он просто отвел взгляд от экрана.

Рано, подумал он. Она рано называла вещи.

Но Лера и была такой: называла быстро, иногда грубо, без обхода. Может, поэтому он принял её за честность. Анна подсвечивала его сбоку. Лера ставила свет прямо в лицо и говорила: смотри.

Он смотрел. Потому что хотел.

После Анны в нём накопилось столько осторожности, что резкость Леры казалась свободой.

Максим открыл пустой документ для Веры. Поставил дату. Написал: «После душа».

Посидел. Удалил.

Вместо нужной сцены память снова ушла к машине.

Первый раз Лера села к нему после запуска. Гости уже разъехались, свет в павильоне гас секциями, техникам надоело быть невидимыми. Они сворачивали кабели и раздражались вслух. Лера сидела на бордюре, босиком, с бутылкой

воды. Он предложил подвезти её не сразу. Сначала они говорили о машине, бренде и дымовой пушке, которая, по её словам, пыталась сделать из желания сигнал тревоги.

Потом пошёл дождь. Мелкий. Холодный.

Лера подняла лицо вверх.

— Теперь ваши кожаные сиденья узнают жизнь, — сказала она, когда он открыл дверь.

— Мои сиденья переживали хуже.

— Не думаю.

Она села в машину, поставила босые ступни на коврик и провела ладонью по панели. Не как пассажир, оценивающий отделку. Как человек, проверяющий кожу на температуру.

— Здесь всё хочет понравиться.

— Это комфорт.

— Нет. Комфорт не мешает. А здесь всё чуть-чуть соблазняет. Свет, запах, этот голос...

Система мягко произнесла приветствие.

Лера повернулась к динамику.

— Вот. Она говорит так, как женщины говорят утром, если не хотят, чтобы мужчина сразу уходил.

Максим засмеялся.

— Мы долго подбирали тембр.

— Чтобы человеку было приятно?

— Да.

— Чтобы он доверял.

Он не ответил.

Лера посмотрела без обвинения. С интересом.

— Вы продаёте не машины, Максим. Вы продаёте ощущение, что мир можно настроить под человека.

— А вы?

— Я продаю ощущение, что человек сам захотел.

Они замолчали.

До её дома ехали минут двадцать. Лера не включала музыку. Сидела боком, поджав ногу под себя. Мокрые туфли лежали у ног. Дождь оставил капли на шее. В свете приборной панели лицо у неё менялось: то живое, то нарисованное, то близкое, то недоступное.

— Вы всегда так смотрите на женщин? — спросила она.

— Как?

— Как человек, решающий, доверять ли собственному желанию.

Он усмехнулся.

— А вы всегда так разговариваете с мужчинами, которые вас подвозят?

— Только если они делают вид, что подвозят.

У подъезда Лера не вышла сразу. Несколько секунд смотрела на дождь. Потом сняла с запястья красную нитку.

— Что вы делаете?

— Порчу интерьер.

Она наклонилась и завязала нитку на рычаге. Узел вышел кривым. Максим заметил это и неожиданно успокоился. Кривой узел был лучше любой нежности.

— Зачем?

— Чтобы ваша машина помнила: однажды в ней сидела женщина без туфель.

— У машины нет памяти.

— У вашей есть. Просто вы называете её профилем пользователя.

Она вышла под дождь, не дожидаясь его руки.

Тогда он подумал: живая. Настолько, что бояться было стыдно.

Максим вернулся к документу.

Написал:

«Сцена после душа была не первой. Но, возможно, первой, где я поверил ей не через силу».

Остановился.

С Анной память сама становилась мягкой. Лера сопротивлялась тексту. О ней нельзя было писать неподвижно. Стоило объяснять дольше двух строк — она исчезала.

Он поднялся, прошёл по комнате и увидел ту кухню.

Не нынешнюю: чистую, пустую, без следа.

Ту.

Лера пришла около одиннадцати. Не позвонила заранее. Только написала из такси:

Буду через 12 минут. Если занят — соври убедительно.

Максим:

Я занят.

Лера:

Слабо.

Через двенадцать минут она стояла у двери. Мокрые волосы. Злые глаза. Чёрное пальто нараспашку. Под ним тренировочная одежда, сумка через плечо. Она выглядела уставшей до грубости. Вошла без поцелуя, сняла обувь, бросила сумку к стене.

— Мне нужен душ, еда и десять минут без попыток понять, что я чувствую.

— Даже мне нельзя?

— Тебе особенно. Ты понимаешь людей так, как составляют акт приёма.

Он пропустил её в ванную. Дверь закрылась. Вода включилась сразу.

Максим остался в коридоре и вдруг почувствовал удовольствие от её резкости. Она не была удобной. Не подбирала интонацию. Пришла раздражённая, после тяжёлого дня, без платья и готовой улыбки. Поэтому оказалась ближе.

Он сделал еду. Не ужин. Просто хлеб, сыр, помидоры, холодная курица, оливки. Поставил чайник. Достал белый халат из гостевой ванной. Он был велик даже ему, а на Лере должен был сидеть чужой вещью.

Через двадцать минут она вышла. В его халате. С мокрыми волосами. Без косметики. С красной ниткой на запястье.

Нитка вернулась. Тогда он не спросил почему.

Лера стояла у кухонного острова, вытирала волосы полотенцем и выглядела моложе. Не слабой. Просто с неё смыло

сценический огонь, и под ним осталось другое: усталое, человеческое тепло.

— Что случилось? — спросил он.

Она подняла глаза.

— Я просила десять минут.

— Прошло двадцать.

— Тогда случилось то, что люди опять приняли отсутствие мысли за концепцию.

Он достал тарелку.

— Репетиция?

— Катастрофа в дорогой обуви.

Лера взяла хлеб, откусила, закрыла глаза. Хлеб был обычный, вчерашний, из бумажного пакета, но она ела его так, словно это была первая нормальная вещь за день. Волосы капали на ворот халата. Одна капля скатилась по шее и ушла под белую ткань.

Максим смотрел и чувствовал, как желание приходит через жалость. Через злость на тех людей, которые её вымотали. Через потребность укутать, накормить, согреть. И почти сразу это стало мужским желанием, тёмным и стыдным из-за своей мягкости.

Лера открыла глаза.

— Ты сейчас опасный.

Он усмехнулся.

— Я режу сыр.

— Нет. Ты решил быть нежным.

— Это опасно?

— Для тебя — да.

— Почему?

Она взяла помидор, посолила его слишком густо, съела ломтик и поморщилась.

— Потому что ты веришь себе, только когда контролируешь. Нежность у тебя выходит без контроля. Потом ты начнёшь загонять её в систему.

Фраза была точной. Тогда она его не испугала.

Может, дело было в помидоре, соли на пальцах, раздражённой складке у носа. Никакая схема, думал он потом, не стала бы подбирать такую небрежность к такой точной фразе. Или стала бы, если знала: небрежность помогает пережить точность.

— Ты опять читаешь лекцию, — сказал он.

— Я ем помидор и спасаю твою душу. Не мешай.

Он подошёл ближе, забрал у неё полотенце и начал сам вытирать ей волосы.

Лера замерла. Не испуганно. Скорее от неожиданности.

Он почувствовал это руками: плечи сначала стали твёрдыми, потом опустились. Она стояла к нему спиной, босая, в белом халате, с куском хлеба в руке, а он промакивал её волосы полотенцем и понимал, что это интимнее студии. Там желание было громким. Здесь всё было тише. Домашнее. Неловкое.

— У тебя руки другие, когда ты не стараешься, — сказала

Лера.

— Какие?

— Тёплые.

Он остановился.

— А обычно?

— Точные.

Эти два слова остались на кухне между ними.

Максим положил полотенце на стол. Лера повернулась.

Мокрые волосы прилипли к щекам, халат распахнулся у горла, нитка на запястье стала ярче на влажной коже. Она смотрела без улыбки. Не вела. Сама не знала, куда встать.

И это незнание оказалось сильнее любой её уверенности.

Он коснулся её лица большим пальцем у скулы. Кожа была горячая после душа. Лера на секунду закрыла глаза. Веки дрогнули. Дыхание сбилось. Хлеб чуть не выпал из пальцев.

Она тихо выругалась, положила хлеб на стол.

— Вот это было лишнее.

— Что?

— Я чуть не стала хорошей женщиной.

Он рассмеялся.

Лера тоже улыбнулась, но слабо, устало.

Максим наклонился и поцеловал её.

В студии поцелуй был столкновением. Здесь он пришёл как возвращение к теплу. Лера ответила медленнее. Устала сопротивляться собственной усталости. Её ладони легли ему на грудь, сперва как остановка, потом сжали рубашку и по-

тянули ближе. Халат между ними раскрылся шире, и он почувствовал её тело. Не как зрелище. Как дыхание после горячей воды.

Она пахла его шампунем. Это ударило сильнее духов.

Лера в его халате, с его запахом в волосах, на его кухне. Не завоёванная. Скорее временно вошедшая в его пространство так глубоко, что оно перестало быть выставочным. На столе лежали крошки, соль стояла открытая, на плитке темнел след её мокрой ступни.

Он провёл ладонью по её спине поверх халата.

Лера выдохнула ему в губы.

— Медленнее.

Он остановился сразу.

Она открыла глаза и рассердилась.

— Не так. Ты как приказ выполнил.

— А как?

— Как человек, который тоже хочет.

Позже эта фраза будет мучить его. Лера слышала намерение внутри движения. Он действительно остановился резко, превратил просьбу в команду, выпал из их общего дыхания. Она заметила. Лера всё замечала.

Тогда это казалось жизнью. С ней нельзя было спрятаться за правильным жестом.

Он снова коснулся её. На этот раз двигался медленнее вместе с ней.

В тот вечер всё началось медленнее. Они двигались из

кухни в гостиную без плана: поцелуй, шаг назад, её короткий смех, его ладонь на талии, мокрый след на полу, её пальцы на поясе халата. В студии она вела. Здесь они оба теряли направление.

Лера вдруг прижалась лбом к его груди.

— У меня сегодня внутри всё болит от людей.

Он обнял её. Просто обнял. Без движения дальше.

Она молчала долго. Он чувствовал её дыхание через рубашку: неровное, тёплое, усталое. Потом Лера подняла лицо и поцеловала его сама. Медленно. Глубоко. Уже без игры. В этом поцелуе была просьба: будь здесь, не разбирай меня на детали, не уходи раньше времени.

Он был. Тогда ему так казалось.

Они оказались у дивана, потом на диване, потом на полу. Лера сказала, что диван слишком приличный для её сегодняшнего состояния. Он расстегнул халат не до конца, только настолько, чтобы касаться плеч, ключиц, тёплой кожи под влажными волосами. Лера то смеялась, то замолкала, то вдруг становилась серьёзной. В ней не было ровности. Она могла потянуть его ближе, а через секунду остановить ладонью у груди. Не отказывая. Собирая себя.

Ему нравилась эта непоследовательность. Он цеплялся за неё как за доказательство.

Когда халат сполз с плеч, она закрылась руками. Не кокетливо. Сердито, рассердившись на собственную открытость. Максим не стал убирать её руки. Поцеловал костяшки паль-

цев, потом запястье рядом с красной ниткой.

Лера закрыла глаза.

— Не делай меня нежной.

— Почему?

— Я потом не знаю, куда это деть.

В нём что-то сдалось. Не желание. Оно было давно. Не осторожность. Её с Лерой почти не оставалось.

Плечи расслабились, он выдохнул.

В тот вечер он поверил ей второй раз. Глубже первого. Перед ним была женщина, умеющая лишать его контроля, но сейчас она сама не справлялась с тем, что поднималось внутри.

Они были близки долго.

Не спеша и всё равно жадно. То в тишине, то с короткими словами, нужными только рядом с дыханием. Лера оставалась смелой; усталость делала эту смелость тише, доверие — заметнее. Иногда она направляла его руку. Иногда отстранялась, чтобы посмотреть ему в лицо. Иногда прижимала крепче, как человек, боящийся, что он снова станет наблюдателем вместо мужчины.

— Не уходи в свои мысли, — прошептала она.

Он замер.

— Я здесь.

— Не совсем.

— Лера.

— Я чувствую.

Тогда эти слова показались ему чудом.

Она чувствует. Не угадывает. Не считает. Чувствует, когда он отдаляется внутри, ещё до того, как тело успеваает выдать уход. С Анной его спасало право быть несобраным. С Лерой — возможность быть пойманным на бегстве.

Он не понимал, что именно это потом станет невыносимым.

После они лежали на полу, укрывшись его халатом и пледом. Лера положила голову ему на живот. Волосы рассыпались по коже. Пальцы лениво двигались по его запястью, вокруг часов, которые он так и не снял. В квартире было тихо. На кухне остывал чайник. За стеной шумела вода.

— Ты умеешь быть тёплым, когда не стараешься быть правильным, — сказала Лера.

— Это комплимент?

— Медицинское заключение.

— Тогда поставь печать.

Она приподнялась, поцеловала его в грудь и снова легла.

Потом спросила:

— Почему ты иногда смотришь так, как будто ждёшь подвоха?

Вопрос не был новым. Анна спрашивала иначе, но о том же. Инга потом спросит иначе. Вера теперь спрашивала почти без вопроса. Женщины, подходившие близко, рано или поздно замечали этот взгляд.

Значит, дело могло быть в нём.

— Профессиональное, — сказал он.

Лера фыркнула.

— Ненавижу это слово. Им люди прикрывают все свои уродства, если получают за них деньги.

— Спасибо.

— Пожалуйста. Я тоже так делаю.

Он провёл пальцами по её волосам.

— Ты чем прикрываешься?

— Телом.

Она сказала и замолчала. Впервые за вечер — по-настоящему.

Максим почувствовал за этой фразой место, куда она не хотела пускать. Он не спросил. Редкое милосердие с его стороны: не трогать шов только потому, что заметил.

Лера тоже это почувствовала.

— Спасибо, — сказала она тихо.

— За что?

— Что не полез.

— Я могу быть воспитанным.

— Нет. Ты можешь быть бережным. Это хуже.

— Почему?

Она повернула голову, посмотрела снизу вверх.

— К бережности привыкают.

Фраза вошла глубоко.

Тогда он не испугался. Только накрыл её руку своей и подумал, что Лера умеет быть честной, когда устаёт от соб-

ственной яркости.

Он не знал, что однажды будет проверять даже эту честность.

Не знал, что мокрые волосы, хлебные крошки, злость на чужую бездарность, красная нитка и просьба «не делай меня нежной» станут материалами дела.

Позже он будет раскладывать этот вечер по деталям: мокрые волосы, хлебные крошки, халат на полу, нитка у неё на запястье.

Максим оторвался от воспоминания под утро.

Документ перед ним занимал десять страниц. Он не помнил, как написал столько. Некоторые фразы вышли слишком подробными. Некоторые — осторожными, как будто он всё ещё защищал Леру от Веры, хотя сам принёс её в расследование.

Он перечитал последние строки и понял: о страхе мало. Только о том, почему верил.

Может, так и нужно было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.